

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Основана
Максимом Горьким
в 1931 году

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

**СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН**

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1990

ББК 84.Р7
Е82

Редакционная коллегия

Ю. А. АНДРЕЕВ
(главный редактор)

И. В. АБАШИДЗЕ, А. Н. БОЛДЫРЕВ,
Р. Г. ГАМЗАТОВ, Н. С. ГИЛЕВИЧ,
М. А. ДУДИН, А. В. ЗАПАДОВ,
М. К. КАНОАТ, Д. С. ЛИХАЧЕВ,
А. М. МАЛДОНИС, А. А. МИХАЙЛОВ,
Л. М. МКРТЧЯН, Б. И. ОЛЕЙНИК,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ

Вступительная статья

А. М. МАРЧЕНКО

Составление и примечания

В. П. ГАРНИНА

Редактор В. С. Киселев

Е $\frac{4702010202-166}{083(02)-90}$ 424—90

ISBN 5-265-01486-1

© Издательство
«Советский писатель», 1990 г.

Сергей Есенин

В январе 1924 года в «Предисловии» к несостоявшемуся сборнику «Руссеянь» Есенин, разъясняя читателям природу своего творчества, писал:

«Я реалист, и если есть во мне что-нибудь туманное для реалиста, то это романтика, но романтика не старого нежного и дамообожяемого уклада, а самая настоящая земная...»¹

Противопоставление старого деревенского уклада и земной романтики может показаться и субъективным, и нарочитым, и даже, учитывая политическую ситуацию тех лет, конъюнктурным. Однако в случае с Есениным оно имеет вполне объективные причины, и, чтобы разобраться в столь непростом вопросе, надо начать с начала — с детства, а также с экономической географии рязанского села Константинова, где в 1895 году, 21 сентября по старому (3 октября по новому) стилю родился Сергей Александрович Есенин.

О детстве, отрочестве, первой юности поэта талантливо и умно написали его сестры: Екатерина и Александра. Пересказывать их воспоминания нет резона: издавались неоднократно, вошли и в мемуарный двухтомник; а вот вникнуть в них еще раз не мешает. При медленном, совместном, чтении даже в общеизвестных текстах могут быть обнаружены подробности, которые мы либо не заметили, либо поняли не

---

¹ Есенин С. А. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1979. Т. 5. С. 206. В дальнейшем ссылки на это издание (т. 1—6. М., 1977—1980) даются сокращенно.

так, потому что смотрели — пусть упорно и долго, но с одной, слишком уж привычной стороны.

Как известно, Есенин в разные годы по-разному отвечал на вопрос, считает ли он себя «деревенским» поэтом. То утверждал, что не разделяет ничьей литературной политики, ибо — крайне индивидуален, то, наоборот, столь же «бешено» противопоставлял себя всем позабывшим, что Россия — страна мужицкая.

Странноватую неустойчивость взгляда на свое предназначение в мире отчасти, видимо, можно объяснить необычайной реактивностью психики поэта, а следовательно, крайней зависимостью от конкретной ситуации. Но, похоже, дело не только в этом. Очень интересна (в плане подобных образований) якобы неточность, сдвиг-размывка в «Черном человеке»:

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье...

Есенин, вроде, ошибается лишь для того, чтобы показать масштаб утраты — вот, мол, как трагически позабыл бывший крестьянский мальчик, а ныне знаменитый поэт свою отчину. Так закружился «в городской и горькой славе», что, надо же! спутал: Калугу с Рязанью. Но в том-то и суть, что эта оплошность имеет, если воспользоваться есенинским выражением, внутреннюю, органическую согласованность. На расстоянии почти прожитой, уже подводящей итоги жизни истоки видятся яснее, четче, чем «лицом к лицу».

1

Ни Москва, ни Петербург испокон веку не могли обслужить себя собственными силами; коренные москвичи, так же как урожденные петербуржцы, неохотно нанимались на черные работы — в службы быта. Один из документальных героев хроники В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» рассказывал автору:

«Вот я еще в силах работать, а как отдам все силы Москве — так уеду к себе на родину. Там мы ведь почти все москвичи... Они не только те, которые родились в Москве, а и те, которых дают Москве области. Так, Ярославская давала половых, Владимирская — плотников, Калужская — булочников. Баншиков давали три губернии...»¹

Среди «банных» провинций была, кстати, и Рязанская. Впрочем, это не единственная ее специализация. Односельчане Есенина шли в основном «по торговой части». Но это те, кто «посмирнее». Более рискованные и азартные, например, дед Сергея Александровича по матери — Федор Титов, — становились петербургскими «корабельщиками» — то есть «баржевиками».

Но даже среди околостолничных губерний Рязань и Калуга — на особом положении: у здешних крестьян слишком мало своей земли, куда меньше, чем у «северных» соседей.

Владельцы пристоличных «латифундий» — достаточные помещики и крупные монастыри — не желали расставаться с благодатными и год от году дорожавшими угодьями (квадратный аршин подгородной земли — без малого червонец золотом). Кроме того, по всей пойме Оки — лучшие в России заливные луга. Здешнее бесценное, воистину «золотое», сено шло напрямик в царские конюшни!

В силу вышеназванных причин и процесс раскрестьянивания в этих губерниях шел куда интенсивнее, чем, скажем, в Ярославской или Костромской. Можно, видимо, даже говорить и о деклассировании, если считать определяющим признаком класса отношение группы людей к средствам производства как к собственности: средств производства у константиновцев было явно недостаточно для ведения правильного крестьянского хозяйства.

Екатерина Есенина вспоминает:

«Село наше в те годы было стянуто мертвой петлей: с одной стороны — земля федакинского помещика, с другой — земля нашего духовенства, с третьей — непрерывной лентой следуют другие деревни.., и четвертая сторона —

---

¹ Гиляровский В. А. Москва и москвичи // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1968. Т. 4. С. 297.

Ока. Поэтому наше село не имело возможности расширять свои строения».¹

«Мертвой петлей» к началу XX века были практически стянуты все прибрежные села по среднему и нижнему течению Оки. Это она, Ока, качая-раскачивая и разнотравье своих берегов, и травяные зыбки своих «младеней», уже в колыбели одаривала их по-сказочному щедро, раздавая поровну, независимо от величины отцовского надела, уникальную свою красоту, но она же, Ока, и обездоливала, обрекая на малоземелье.

Но даже в этом ряду — среди вынужденных «москвичей» и сезонных «петербуржцев» — семья Есениных выделялась, отклоняясь от средней нормы: земли у них было меньше, чем у прочих односельчан. Уже дед поэта, Никита Осипович Есенин, на том клочке земли, какой приобрел после женитьбы (56 кв. аршин!), ничего, кроме избы и двора для скотины, построить не смог, сразу «не осилил» и купить огород.

В еще более тяжелом положении оказался его сын — Александр. Даже в лучшие свои, довоенные, годы семья Есениных фактически жила не на деревенские, а на городские — торговые — деньги. Корова и огород (лошади не было) служили лишь подспорьем. Не было настоящего сада, хотя у соседей имелись пусть малые, но обильные плодами сады. Крестьянское детство без своих яблок и даже без запаха вялого укропа (огород — далеко от дома, как бы на выселках) — рана на всю жизнь! К тому же, в отличие от большинства константиновцев, смотревших на отхожий промысел как на способ расширить земельные владения, отец поэта, Александр Никитич, даже вернувшись в деревню (мясная лавка купца Крылова, где он работал приказчиком, в связи с гражданской войной закрылась), так и остался «москвичом».

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

(«Каждый труд благослови удача...»)

---

¹ Есенина Е. А. В Константинове // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 29.

Считается, что эти стихи (июль 1925) написаны Есениным про себя и в укор себе — «вечно странствующему страннику». Но, может быть, это и не совсем так: ведь именно в последний приезд в Константиново Есенин особенно остро почувствовал драму отца, который никак не мог найти себе дело по руке и по силам. Александра, младшая из детей Александра Никитича, вспоминает:

«...Приезжая домой только в отпуск, он не знал крестьянской работы, а привыкать к ней в этом возрасте было уже нелегко. Он не умел ни косить, ни пахать, ни молотить. Даже лошадь запрячь не умел. Да и сил у него не было. ...Сознавая свою непригодность и слабосилие, отец чувствовал себя не на своем месте и ходил всегда грустный. Целыми часами сидел он у окна, опершись на руку, и смотрел вдаль».¹

Мать поэта Татьяну Федоровну (в девичестве Титову), женщину крепкую и более чем земную, болезненность никчемщика-мужа сильно раздражала, тем сильнее раздражала, что выросла она в семье с иным укладом: братья — хватистые, умелые мужики, а отец к тому же еще и знатный лошадиник, у которого и лучшие в селе лошади, и отменная упряжь.

Разлад между родителями, продолжавшийся до 1907 года, не мог не сказаться на самочувствии старшего сына Сергея. Внешне он был похож на отца, и это биологическое сходство, при разнице устремлений, создавало почву для постоянных распрей. С матерью, и именно в силу разности — и натур и характеров, Есенину было и проще, и легче. К тому же, от сына Татьяна Федоровна, не в пример отцу, ничего особенного и не требовала, кроме соблюдения внешних приличий да денег (старшенький — отрезанный ломоть, а с отрезанного какой спрос?).

При всем том судьбу детям и выбирал, и ладил именно отец. Это по его настоянию Сергея отдали в трехгодичную церковно-учительскую школу в селе Спас-Клепики (в 30 км от Константинова). Отец же устроил его сестру Екатерину в частную московскую гимназию, понимая, очевидно, что иного выхода у его бесприданников нет. К тому же и сын, и дочери — все трое оказались на удивление способными — жадными «на ученье». Короче, если бы не война и революция, семья Есениных, похоже, проделала бы тот же путь, что

¹ Есенина Е. А. В Константинове // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 88.

и семья Чеховых: с помощью «вышедших в люди» старших перешла бы в иную социальную среду, хотя, наверное, никто из новоиспеченных горожан так и не смог бы позабыть, что в полустепной провинции у них есть свой собственный дом и свой — наследный — клочок земли.

«Отрезанным ломтем», причем сызмала, видимо, ощущал себя и будущий поэт. Особенно в начале детства (до 1904 года), когда после полуразвода родителей жил у Титовых. У материнской родни было, конечно, и побогаче, и попросторней, но и тут был избыток мужской силы. Не то чтобы вовсе не нужна была его, мальчишеская, помощь, однако особой, крайней нужды вникать в хозяйство все-таки не было, и, чувствуя это, он уклонялся. А «достигнув возраста», и вообще раскрестьянился, причем настолько, что, приезжая на побывку, сначала из Спас-Клепиков, а потом и из Москвы (кстати, всегда летом и почти никогда зимой — зимней деревни Есенин не выносил), «погружался в свои книги и ничего не хотел знать».¹ А когда мать начинала ворчать, больше по привычке, чем всерьез (на их «садоводачном участке» хватало и женских рук), убегал из отчего гнезда. То на рыбалку, то в поля, а чаще всего к Поповым — в дом местного священника (он же учитель закона божьего), отца Ивана. Похоже, что это был единственный в Константинове дом, где юноша Есенин чувствовал себя уместным. У Поповых собиралась интеллигентная молодежь: подруги и друзья дочери хозяина, рано овдовевшего; гостили, и подолгу, родственники-студенты. Играли в крокет, в лото, ставили любительские спектакли. Была, конечно, и гармоника. И частушки «выпевали», но все-таки царил — гитара...

И вот еще что необходимо отметить. Собиравшаяся у Поповых молодежь была крайне озабочена судьбой российской деревни. К примеру, очень нравившаяся Есенину Мария Бальзамова («эта девушка тургеневская Лиза»²) готовилась стать сельской учительницей. Причем, как сообщает Есенин другу своему Грише Панфилову, — «с полным сознанием на пользу забитого и от света гонимого народа».³

---

¹ Есенина Е. А. В Константинове // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 36.

² Из письма Есенина к Г. А. Панфилову от августа 1912 г. // Собр. соч. Т. 6. С. 13.

³ Собр. соч. Т. 6. С. 14.

Казалось бы, кому-кому, а уж Есенину и сам бог велел последовать столь благородному примеру! Однако Сергей уклонился и от «распределения», несмотря на открытое неодобрение родителей; они-то надеялись, что их сын, такой пригожий и умный — всему селу на зависть, — станет учителем. И дело, по-видимому, не в осточертевших Есенину «методике» и «дидактике», но и в явном нежелании «крестьянского сына» — пропасть в глуши. Из двух зол по окончании Спас-Клепиковской церковно-учительской школы шестнадцатилетний Есенин выбрал, по его мнению, наименьшее: стал конторщиком в торговом заведении отцовского «благодетеля» — купца Крылова. На первые же самостоятельно заработанные деньги новоиспеченный «москвич» купил себе хороший городской костюм — дабы как можно скорей распрощаться с «пастушеством».

Ничего специфически «деревенского» не было, кстати, и в самых первых, написанных еще в Спас-Клепиках, стихах Есенина. Подобные стихи сочиняли в ту пору многие провинциальные мальчики, «выходцы из низов». Вот очень характерное для есенинского начала стихотворение (1912):

ПОЭТ

Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.

Клоками сбиты волоса.
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.

Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.

Стихи, разумеется, беспомощные. И все-таки вчитаемся в них, помня, что написавший «Поэта» человек никогда не лгал сердцем и был явно наделен даром предчувствия судьбы (этот свой дар еще в 1912 году Есенин определил так: «И знаю о себе, чего еще не вижу»¹).

Прежде всего, «Поэт» — вовсе не зарифмованные всего лишь слова, как может показаться на бегло спешащий взгляд, а исповедание веры. Чтобы убедиться, сравним процитированные строки с письмом Есенина к Грише Панфилову (год тот же — 1912, осень):

«Благослови меня, мой друг, на благородный труд.. даю тебе клятву, буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига».²

Больше того, если сделать некоторое усилие и пробиться сквозь заштампованность текста, нельзя не удивиться тому, как зорко совсем еще юный поэт, почти мальчик, разглядел чертеж своей будущности.

Он действительно написал «песни грустных дум». Вспомним и горьковское: «Не столько человек, сколько орган, созданный природой... для выражения неисчерпаемой „печали полей“»,³ и есенинскую самохарактеристику: «Но, наверно, навеки имею нежность грустную русской души» («Низкий дом с голубыми ставнями...»).

Он и в самом деле познал слишком раннюю усталость:

Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

(«Я усталым таким еще не был...»)

За ним воистину неотступно следовала «тень былого»: «Я нежно болен воспоминаньем детства» («Исповедь хулигана»).

Мальчишеская мечта — «Я буду богат и известен» — развеялась, как дым:

¹ Из стихотворения «Я ль виновен, что я поэт...» (1912).

² Собр. соч. Т. 6. С. 14—15.

³ Горький М. Сергей Есенин//Собр. соч. в 30-ти т. М., 1952. Т. 17. С. 63—64.

Да! Богат я, богат с излишком.
 Был цилиндр, а теперь его нет.
 Лишь осталась одна манишка
 С модной парой избитых штиблет.

(«Ты прохладой меня не мучай...»)

Однако была и в его жизни недолгая пора, когда блудный сын недостаточного крестьянина не считал червонцев...

И про тесный чердак предсказано верно, хотя и с некоторым сдвигом, как, впрочем, и положено жанру «вещего» предчувствия. Есенин частенько называл себя бездомником, легко меняя адреса и приюты. Были в его скитальческой судьбе и петербургские ночлежки, была и вполне приличная семейная обитель («Видишь! Вот, в этом доме я жил, когда я в первый раз женился. И у меня квартира была... И у меня были дети...»¹). Почти год прожил он чуть ли не барином на престижной Пречистенке в роскошном спецособняке, предоставленном Луначарским Айседоре Дункан и ее танцшколе. И еще год на деньги той же Дункан — по шикарным отелям, курортам Европы и Америки... А вот личной, на квартиросъемщика, жилплощади — не то чтобы комнаты в коммуналке, а хотя бы отдельного рабочего угла с собственным письменным столом и книжным шкафом, так и не заимел, несмотря на все свои личные контакты с членами Политбюро и наркомками, начиная от Луначарского и кончая Троцким. Своим так и остался лишь ржаной закут в константиновском амбаре, чудом уцелевшем в погорельщину (в августе 1922). Все выгорело: и дом детства с чистой горницей, которую родные временно уступали редкому гостю — под кабинет, и малолеток-сад — в 1921-м Александр Никитич купил-таки несколько сортовых яблонь, но их все, кроме одной-единственной, уничтожила великая гарь. К этой непонятно как выжившей яблоньке и пристроили старики Есенины хибарку — так поставили нищую времянку, чтобы сплестеся в полымя деревце оказалось под самым окном...

Все пожрал огонь, даже ту символическую утварь, в которой незримо хранился «мед воспоминаний»: вернувшийся в 1923 году из «парижей» Есенин застал пепелище... А вот амбар не сгорел, и здесь, приезжая в деревню, Есенин и

¹ Никитин Н. Встречи // «Красная Новь». 1926, № 3. С. 248.

писал — ночами, и так же, как лирический герой стихотворения «Поэт», — при огарке свечи: керосин в Константиново давным-давно не завозили...

2

Словом, силою вещей, как говаривали в девятнадцатом веке, Есенин вырос хотя и в деревне, но все-таки несколько в стороне от ее каждодневных забот о хлебе насущном, и, может быть, именно это, казалось бы, сугубо житейское обстоятельство и помогло ему, «схватив» «цветовую радугу», принести в русскую поэзию русскую природу со всеми ее даями и красками — «изумительными в своей простоте».

Закавыченные цитаты — из работы А. Блока «Краски и слова» (1905).¹ Конкретность, умение передать зрительные впечатления были, так сказать, условием номер один, которому должен был, по Блоку, соответствовать пришелец — кандидат на вакансию «открывателя» русской природы. Условие второе: способность преобразить конкретные впечатления, добыть таящееся в недрах «ситцевого» русского пейзажа — золото:

«Здесь от края и до края — чахлый кустарник. Пропадешь в нем, алюбишь его смертной любовью; выйдешь в кусты, станешь на болоте. И ничего-то больше не надо. Золото, золото где-то в недрах поет».²

Как всякий большой художник, Есенин оказался больше предназначенной ему вакансии, однако при своем появлении в Петербурге (в 1915 году) был воспринят — и в этом не было оптического обмана — как цветок, выросший на луговой меже, на том самом блоковском болотце, где «золото, золото... в недрах поет», как «божья дудка», в которую запела даже не Россия, а «шестая часть земли с названьем кратким Русь» («Русь Советская»).

Россия была не только самой сильной, может быть, единственно сильной любовью Есенина («Моя лирика жива одной большой любовью — любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве»³). Россия была фило-

¹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 21, 24.

² Блок А. А. Девушка розовой калитки и муравьиный царь// Там же. С. 91.

³ Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине// С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 440.

софией, миропониманием, самой главной жизненной ставкой, средоточием честолюбивых упований, тем цементирующим раствором, на котором Есенин «замесил» свою эстетику. Вне России не было ничего: ни стихов, ни жизни, ни любви, ни славы. В ней все, без нее — ничего. Женщины, дети, дом, друзья — все это можно было «отдать другому». Всеми обычными человеческими привязанностями поступиться, от всего отказаться. Только не от нее — тогда начнется хаос.

За эту смертную любовь к родине его нередко обвиняли и в национализме, и в узости, в глухоте ко всему, что не свое, российское, — обвиняли несправедливо. Даже такой пронзительный критик, как А. К. Воронский, был почему-то убежден, что Есенин хорошо писал лишь о своем — о «российском». А между тем это совсем не аксиома. Да, поэт укорял собратьев по служению Образу (и А. Мариенгофа, и В. Шершеневича, и остальных имажинистов) в том, что они пренебрегают изучением русского «климатического стиля»: «Северный простолюдин не посадит под свое окно кипариса, ибо знает закон, подсказанный ему причинностью вещей и явлений. Он посадит только то дерево, которое присуще его снегам и ветру».¹

Да, он ревниво и с вызовом приставал к Маяковскому: «Россия моя, ты понимаешь — моя, а ты... ты американец! Моя Россия!»² И даже говаривал: «Ляжет в литературе бревном, и многие о него споткнутся!»³

И тем не менее сам никогда не считал национализм русской национальной чертой и националистических ноток не прощал никому, даже своему учителю и наставнику Николаю Клюеву.

Впрочем, и «климатический стиль» России Есенин понимал отнюдь не узко. Во всяком случае, дерзко вплетал в словесные свои орнаменты кипарисы-олеандры, причем не только в «персидские мотивы», но и в рязанские узоры. Возьмите, к примеру, золотую и бревенчатую есенинскую избу и кирпичное ее «сердце» — русскую печь. У Есенина ей ничего не стоит обернуться «верблюдом кирпичным», которому долгими зим-

¹ Есенин С. А. Быт и искусство//Собр. соч. Т. 5. С. 203.

² Полетаев Н. Г. Есенин за восемь лет//С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 299.

³ Старцев И. И. Мои встречи с Есениным//С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 411.

ними рязанскими ночами снятся совсем не рязанские и совсем не зимние сны:

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

(«Эта улица мне знакома...»)

Словом, вне России Есенин не мыслил себя никогда, но сначала *чувство родины* было почти неосознанным, детским и безмятежным, счастливым врожденной причастностью к ее корням и истокам — к ее природе. Оно было почти животным в своей „неизреченности“:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

(«Там, где капустные грядки...»)

Кленовый шатер кажется его лирическому герою самой надежной защитой, под его раскидистой кроной он чувствует себя в безопасности, ничего вкусней кленового (или березового) молока не знает. Но вот он раздвинул стены «зеленой избы» и шагнул. Не шагнул — побежал, подставляя лицо черемуховому снегу, яблоневого выюге:

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

(«Сыплет черемуха снегом...»)

И пошел, и повел нас по изумительной в своей простоте земле, и открылась ширь у земли, а в есенинской поэзии появился пейзаж.

Типичный пейзаж у раннего Есенина словно подернут дымкой. Его трудно представить без «охлопьев синих рос». Краски приглушены, смягчены. На полыхающие зори мы смотрим сквозь курящиеся туманы. Сквозь синий туман видим

и «красные крылья заката». Есенин вообще любит восходы и закаты за их перламутровую нежность, выходя на натуру, будто на рыбалку: либо на рассвете, либо ранним вечером — в «сутемень»,¹ когда и «синь, и полымя воздушней, и легкодымней пелена».

Вот крайне характерный образец есенинской пейзажной живописи дореволюционного периода:

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

(«С добрым утром!»)

Золото, но задремавшее; зеркальный блеск воды, но он смягчен утренней зябкой рябью и ранью; небосклон не румяный, а тронутый блеклым, сетчатым светом. Ярко только то, что не бывает совсем ярким: серебряные росы да перламутровое ожерелье на тугих стеблях крапивы — золушки, простушки, чернавки...

Конечно, «народный златоцвет» (так окрестил Есенина автор первой серьезной статьи о его творчестве литературовед П. Н. Сакулин) не считает себя единственным хранителем секрета «очарованья русского пейзажа» (если вспомнить знаменитое стихотворение Н. Заболоцкого «Вечер на Оке»). Вот что писал Есенин в теоретическом трактате «Ключи Марии» в 1918 году:

«Создать мир воздуха из предметов земных вещей или рассыпать его на вещи — тайна для нас не новая... в древней

¹ По В. И. Далю, сутемень — полусвет, на закате солнца, до темени; сутемничать — отдыхать, сидеть в сумерки без дела.

Руси и по сию пору в народе эта область творчества гораздо экспрессивнее».¹

Правда, об этом автор «Ключей Марии» узнает позже, после того как подберет на слух *ключи* к древней тайне своих предков, после того как догадается сам, что с «опрокинутым» в воду деревом (и вообще любым предметом или вещью) уже произошло чудо преобразования, что «опрокинутость неба» «легкокасательно» рифмуется с «опрокинутостью земли». Вот как начинались три стихотворения 1910—1915 годов:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.

Выткался на озере алый цвет зари.

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Не всегда, разумеется, Есенин столь тонок и акварелен. Порой он откровенно работал под лубок, под «прялочное весельство», свойственное народной бытовой живописи:

Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

(«На лазоревые ткани...»)

И писал он, конечно, не одни лишь пейзажи, отражающие, как зеркальце, цвета и переливы неба и земли. Были у него и жанровые, сельские картинки, например такой почти репортаж с воскресного деревенского базара; в сборнике «Радуница» (1916) стихи и назывались — «Базар»:

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист...

(«На плетнях висят баранки...»)

¹ Собр. соч. Т. 5. С. 185.

Однако в рамках жанра Есенину словно бы не по себе: то ли чересчур тесно, то ли слишком просторно! Казалось бы, поэт захвачен азартом веселого лада деревенской торговой толоки. Но при этом зорко подмечает приметы ее непозитичности: вместо деревьев, прорастающих листьями в глубину, — пни да колья! И травы — гнутся. И лист — мнется!.. Сравним есенинский «Базар» с широкоизвестной «Ярмаркой» Бориса Кустодиева. И представить невозможно, что кустодиевские молодухи, ради праздничка в пух и прах разнаряженные, могут повести себя неблагообразно! А вот у Есенина они кричат («бабий крик, как поутру») и даже хрипят — «хрип торговок».

Как и на холсте Кустодиева, есенинский базар окрашен в три классических ярмарочных цвета: ал наряд, зеленая шаль, струганые дранки, то есть красный, зеленый, желтый. Однако яркость трехцветья у Есенина как бы «запылена» вихлистым весельем (ох, и напылили, ах, да накопытили!), и поэтому воспринимается не столько праздничным, нарядным яркоцветьем, сколько будничной, непреображенной, пестротой. Да и рисунок-линия, обычно у Есенина пунктирный, филигранный, здесь простоват. Картинку сначала будто «растрафаретили», а потом раскрасили дешевой «сурьмой».

Еще один пример того, как рачительно распорядился Есенин добытым им тайным знанием, как искусно создавал «мир воздуха из предметов земных вещей», — стихотворение «Не бродить, не мять в кустах багряных...». Сначала поэт обращается к нашему глазу, помогая разглядеть в осенних кустах рыжеволосую девичью голову: «сноп волос овсяных». Любимая есенинская цветовая пара: рыжее и красное. Если брать лишь поверхность — фактуру, невольно вспоминаешь деревенских и провинциальных красавиц с полотен Филиппа Малявина. Однако Есенин вносит поправку, меняет краски на своей палитре: багряный — на розовый, рыжий — на снежно-белый, когда, в финале, выражает свое, лирическое, чувствование; и строй чувств, и характер отношений здесь уже чисто есенинские — «нежные»: «На закат ты розовый похожа И, как снег, лучиста и светла».

Очень чуток Есенин и к языку жестов. В его поэзии этим древним «неизреченным» языком владеют и животные, и деревья:

Говорят со мной коровы
 На кивливом языке.
 Духовитые дубровы
 Кличут ветками к реке.

(«Я — пастух, мои палаты...»)

Однако при всем своем равнодушии к старому укладу Есенин не только хорошо знал деревню и деревенский быт, но и активно пользовался его реалиями. Олицетворяя, к примеру, явления природы, поэт последовательно придает им крестьянский, «мужицкий», облик. «Засучивши с рожью полы», «трясут лузгу» вышедшие в поле «пахарья», и этот жест зеркально повторяет трава:

Трава поблекшая
 В расстеленные полы
 Сбирает медь с обветренных раки.

Даже вольный ветер: «...горстью смуглою листвы последний ворох Кидает ... вслед из подолá...» («Голубень»).

Тот же жест — жест засучившего полу или кормящего из подола «неизреченную животность» — становится особой метой, как бы паролем «крестьянской купницы». Именно в этом символическом смысле использует его Есенин в знаменитом поэтическом манифесте 1917 года, написанном от лица Н. Клюева, А. Чапыгина, А. Ширяевца — художников, которых «подняла волна крестьянского самосознания, самодеятельности, требовательности и желания утвердить свои права и законы»¹:

Из трав мы вяжем книги,
 Слова трясем с двух пол.

(«О Русь, взмахни крылами...»)

Очень четко проявлен в творчестве раннего Есенина и мифологический — языческий элемент. Поэт был твердо убежден — об этом свидетельствуют и «Ключи Марии», — что христианство родилось на Руси как образ «напоенных прозрениями древних славянских мистерий», дав лишь допол-

¹ Воронский А. Об отошедшем // Искусство видеть мир: Статьи. Портреты. М., 1987. С. 185.

нительные — «лишние средства» для определения «фигурами того мира, который был уже в нас до его появления»; поэтому он и сам охотно пользовался этими «лишними средствами», стремясь определить «фигурами» переливающийся всеми цветами радуги мир. Мир, в котором, по мысли Есенина, идея духовного пастыря родилась, так сказать, самостоятельно, без помощи «крещеного Востока» (т. е. Византии): «...Крещеный Восток абсолютно не бросил в нас... никакого зерна; он не оплодотворил нас, а только открыл лишь те двери, которые были заперты на замок тайного слова».¹

«Тайным словом» Есенин считал образ.

3

В уже упоминавшемся «Предисловии» (1924) поэт писал: «В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах. Он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться так же, как я могу учиться чему-нибудь другому у других».²

Поэзия Есенина действительно необычайно образна. Для нас: светит луна, и свет ее падает на крышу деревенской избы. Для Есенина: «Чистит месяц в соломенной крыше Обоймленные синью рога» («Гаснут красные крылья заката...»). Какие только воплощения и перевоплощения не происходят в его стихах! Луна превращается в кудрявого ягненка, в желтого ворона, медведя, жеребенка, пастушеский рожок, лошадиную морду и т. д. и т. п. Один из исследователей подсчитал: «Есенин дал русской поэзии свыше полусотни незабываемых образов месяца-луны, ни разу не обмолвившись... эпитетом».³ Он же назвал есенинский образ «сказочным оборотнем».

¹ Собр. соч. Т. 5. С. 168.

² Там же. Т. 5. С. 206.

³ А в р а м о в А. Воплощение. М., 1921. С. 23—25.

Однако оригинальность Есенина не просто в густой метафоричности и даже не в неожиданности фигуральных определений мысли, тем более что многие из этих необыкновенных «имажей» на самом деле были заимствованы или могли быть заимствованы поэтом из книги А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» или из сборника Д. Садовникова «Загадки русского народа». Совпадения, почти буквальные, столь часты, что автор одной из последних серьезных работ о фольклоризме Есенина пришел к выводу, что именно загадке следует отвести преимущественную роль в выработке у Есенина образного мышления.¹

Вывод понятный. Непонятно другое. Как бы мы хорошо ни знали, что образ, к примеру, краяхи-луны изобретен не Есениным, он все равно будет казаться рожденным на наших глазах, и притом — невольно, именно так, как сказано поэтом (см. «Не напрасно дули ветры...»).

Да, Есенин поэт стихийного, органического дарования, но в то же время — «суровый мастер». По всей вероятности, мастера в Есенине раньше других угадал Блок.

После первой их личной встречи (9 марта 1915 года) Блока, судя по дневниковой записи, в свежих, но на его вкус несколько многословных стихах девятнадцатилетнего крестьянина Рязанской губернии больше всего поразил язык. А через месяц с небольшим (22 апреля того же года) он уже убежден: автору голосистых стихов «путь предстоит не короткий».² Александр Александрович вообще был крайне внимателен к младшим своим современникам. Вот что пишет об этой не слишком известной стороне литературного поведения Блока один из его «подопечных» — Сергей Городецкий:

«Блок... был чутким критиком. Я уверен, что он никогда и никого не оттолкнул из осаждавших его бесчисленных начинающих поэтов. Я писал тогда еще совершенно дрянные детские стихи и никому, кроме Блока, и нигде, кроме как у него, их не читал. И такого прямого и нежного толчка к развитию и творчеству, как от косноязычных реплик Блока,

---

¹ Коржан В. В. Фольклор в творчестве Есенина // «Есенин и русская поэзия». Л., 1967. С. 222.

² С. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 174.

я никогда и позднее не имел, даже от самых признанных критиков».¹

Ту же самую роль, похоже, сыграл Блок и в творческой судьбе Есенина: «вселил ...уверенность в важности своего личного пути».² И сделал это также чрезвычайно тонко, — передав Есенину как благословение и предупреждение — свои стихи из поэмы «Возмездие»:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.

Есенин внял совету: составляя планы образного «строительства» на территории своей поэтической вселенной, он всегда строго согласовывал их и с ее климатическим стилем, и с ее этическими законами, то есть с собственными представлениями о «рае» и «аде», о добре и зле.

Сам Есенин разделил свои образы на три группы и так разъяснил этот разделительный принцип в «Ключах Марии».

Заставочный, или «уподобление одного предмета другому». Например, солнце — это и колесо, и телец, и белка.

Корабельный, то есть струящийся, развернутый, плывущий образ. По есенинскому, как всегда, резко индивидуальному определению, это есть «уловление в каком-либо предмете, явлении или существе струения, где заставочный образ плывет, как ладья по воде».

Третий вид образа, самый сложный и самый, как выразился Есенин, «значный» — «ангелический», есть «пробитие из данной заставки или корабельного образа какого-нибудь окна».³

Момент очень важный, и, разъясняя его, Есенин бывал особенно настойчив. Так, он говорил Блоку, что поэту должно

¹ Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Избр. произведения: В 2-х т. М., 1987. Т. 2. С. 446.

² Там же.

³ Собр. соч. Т. 5. С. 183—184.

не присасываться, как налим, к отражению луны на льду — иначе луна убежит на небо, а самому «выплеснуться до луны».¹ Та же мысль в письме (от апреля 1918 года) к Р. В. Иванову-Разумнику: «Слово... не золотится, а проклеивается из сердца самого себя птенцом».²

От того, какой тип образа — «заставочный» или «корабельный» — положен в основу стихотворения, зависит его композиционное устройство. Если фигуральность локальна, «заставочна», стихотворение принимает вид стансов: каждая строфа — автономна, а связь между строфами — «легкокасательна».³ Например: «Туча кружево в роще связала». «Съёмка» идет при одних и тех же декорациях, а вот «объектив» — угол зрения — подвижен. Он и выбирает, приближая ту или иную деталь «натуры»: то тревожное ночное небо и фигуру человека, едущего с вокзала; то сосна, накинувшая на плечи темь; то девушки-ели, пригорюнившиеся у обочины дороги...

Куда более важную роль играет «корабельный» образ, кстати, самый работающий (коренной) в есенинской метафорической системе связей. Фактически именно он «везет» стих. Поэт спускает «имаж» со стапелей, отталкивает его от пристани-причала, а дальше он как бы сам, плавающий и плывущий, движется, словно ладья по воде — «струится»! Скажем, в стихотворении «На небесном синем блюде...» мысленно («без всяких как») сопоставив синее небо с синим круглым блюдом, Есенин дает ему «волю»: теперь уже небо-блюдо уподобляет себе все окружающие его явления: бор вдыхает сладкий медовый дым (от тех желто-медовых туч, что столь красивы на синей эмали яркого неба); через трещину в облаках тянутся к пахучей медовой глыбе «пальцы косогора», и даже ранняя звезда — всего лишь капля на краю все того же синего, пока еще синего блюда...

¹ Дневник А. А. Блока // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 177.

² Собр. соч. Т. 6. С. 87.

³ «Легкокасательно» — одно из самых «значных» слов в есенинском словаре. Вот что он писал Р. В. Иванову-Разумнику в 1921 г., будучи уже зрелым, «строгим мастером»: «...Я на поэта... имею особый взгляд, по которому отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разномысленно...» (Собр. соч. Т. 6. С. 108).

Разобранное стихотворение Есенин не включил в собрание сочинений. Видимо, был в нем какой-то, заметный лишь автору, изъян. Но какой? Наверняка утверждать трудно, но похоже, что Есенин был не удовлетворен отсутствием внутренней согласованности между звездой-каплей и ее «огненным» перевоплощением: «той звездой поджечь леса». Да, его сказочный оборотень-месяц может превращаться и в лунный гребень, и в романтического всадника, и в хлебную ковригу... Однако огонь и вода — это уже не просто «разномысленные» понятия, а разнородные стихии, и совместить их посредством струения — значит, по убеждению Есенина, нарушить закон, совершить преступление против природной органики!

Когда образ движется, да еще и объединяет своим движением несколько стихотворений, его конечный «лик» (результат множества перемен и преобразений) может оторваться от изначального, а стихотворение, прочтенное вне цикла, покажется слишком уж загадочным. Для того, чтобы слышать сказанное, точнее, недосказанное в такой строфе:

Закружилась листва золотая
 В розоватой воде на пруду,
 Словно бабочек легкая стая
 С замираньем летит на звезду,—

(«Закружилась листва золотая...»)

необходимо помнить (держать в уме!), что для Есенина душа — яблоня, с которой ветер жизни уже начал срывать листья-чувства, что лирический герой отправился когда-то в дальний путь — из дома в мир, «доверясь призрачной звезде», и лишь после того, как мы все это вспомним и свяжем, только тогда в процитированной строфе (словно на бумаге, опущенной в проявитель!) проявятся необходимые для ее правильного прочтения детали и смыслы.

Есенин писал в «Ключах Марии»:

«В нашем языке есть много слов, которые как «семь коров тощих пожрали семь коров тучных», они запирают в себе целый ряд других слов, выражая собой иногда весьма длинное и сложное определение мысли. Например, слово *умение* (*умеет*) запрягло в себе *ум*, *имеет* и еще несколько слов,

опущенных в воздух, выражающих свое отношение к понятию в очаге этого слова. Этим особенно блещут в нашей грамматике *глагольные* положения, которым посвящено целое правило *спряжения*, вытекающее из понятия «запрягать», то есть надевать сбрую слов какой-нибудь мысли на одно слово, которое может служить так же, как лошадь в упряжи, духу, отправляющемуся в путешествие по стране представления. На этом же пожирании тощими словами тучных построена вся наша образность, слагая два противоположных явления через сходственность в движении, она родила метафору:

Луна — заяц,
Звезды — заячьи следы».¹

Способ есенинского «соображения понятий» (Пушкин), когда он говорит не стихами, а прозой, столь резко индивидуален, что его нестихотворная речь, как и прозаические высказывания Блока, вполне может показаться «косноязычной». По всей вероятности, по этой причине «Ключи Марии» и не пользуются особым доверием ни у читателей, ни у исследователей. И родилось это предубеждение не сегодня. Друг Есенина журналист Г. Устинов вспоминает, что однажды в редакции центральной «Правды» между Есениным и Устиновым, с одной стороны, и Н. И. Бухариным, с другой, завязался спор — спорили об идеях «Ключей Марии». Бухарин, расхохотавшись, сказал: «Ваша метафизика не нова, это мальчишеская теория, путаница, чепуха. Надо посерьезнее заняться Марксом...»²

Присутствовавший при споре В. В. Осинский отнесся к великому «путанику» более снисходительно, согласившись, что нескладная и косноязычная «чепуха», при всей своей ненаучности, допустима все-таки как поэтическая теория — не для «серьезных людей», конечно, а для поэтов.

Разумеется, «Ключи Марии» — не научный трактат. Однако не почувствовав, что у «путаной теории» тот же родовой очаг, что и у поэзии Есенина, не поняв, что без этих «ключей» те, кто вздумает отправиться в путешествие по

¹ Собр. соч. Т. 5. С. 174—175.

² Устинов Г. Годы восхода и заката: Воспоминания о Сергее Есенине // Памяти Есенина. М., 1926. С. 75.

стране есенинской поэзии, никогда не доедут до цели — заплутаются сразу же, по пересечении пограничной полосы. А может быть, вообще не разглядят в этой уникальной стране ничего уникального, ничего не увидят, кроме растиражированных беллетристами от поэзии резеды да березок! Ведь каждый есенинский образ, любая его фигуральность заключает в себе сложное определение далеко не простой мысли! Это во-первых. Во-вторых: над каждым движением этой согласованности — целый рой подробностей и оттенков ее «корабельного струения». Они-то и восполняют объем: вне «тучного» контекста и слово, и образ, и стихотворение в целом «тощует», то есть становятся беднее и смыслом, и выразительностью...

4

Революцию Есенин, по собственному признанию, принял сочувственно, но, по его же словам, «больше стихийно, чем сознательно».¹ Примерно через год, в октябре 1925, поэт уточнил свою политическую позицию: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но понимал все по-своему, с крестьянским уклоном».² И сочувственности, и крестьянскому уклону способствовали биографические обстоятельства. В Петрограде февральский переворот не обошелся без кровавых эксцессов, а вот на родине Сергея Александровича он совершился мирно — без боев и выстрелов.

К тому же революция, как казалось Есенину в первые дни свободы, была еще и «вещим знаком», который свидетельствовал, что пришло его Время, что в тяжбе со столичными литераторами — тайное соперничество за первенство! — выиграл он, певец и глашатай грядущей Крестьянской республики, страны хлеба и молока! Еще несколько лет назад подобный — крестьянский — уклон представлялся чистейшим утопизмом. Однако теперь, после того как стало известным направление ученой и практической деятельности А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева,³ упования Есенина

¹ Собр. соч. Т. 5. С. 227.

² О себе//Собр. соч. Т. 5. С. 231.

³ См.: П и я ш е в а Л. Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению//«Дружба народов». 1988, № 7. С. 187.

(обновленная революционной бурей Россия превратится в «кормилицу» и «поилицу» всего мира) не кажутся такой уж наивностью. Ведь если извлечь внутренний пафос из научных трудов этих вполне серьезных сельскохозяйственных мечтателей, получится что-то вроде следующего:

И невольню в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

(«Не напрасно дули ветры...»)

И все-таки: что может быть анахроничнее — проповедовать в 1918 историческом году неисторическую идею узловой завязи природы с сущностью человека! Тем более что она воспринималась как некое боковое ответвление традиционной русской мечты (утопии) — о возвращении человека в патриархальный «мир», о которой (в эссе о П. Я. Чаадаеве) писал О. Э. Мандельштам:

«Мечта о духовном разоружении так завладела нашим домашним кругозором, что рядовой русский интеллигент иначе и не представляет себе конечной цели прогресса, как в виде этого неисторического «мира». Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать «просто» жить. В «простоте» — искушение идеи «мира»... Навеки упраздняются, за ненадобностью, земные и небесные иерархии. Церковь, государство, право исчезают из сознания, как нелепые химеры, которыми человек от нечего делать, по глупости, населил «простой» «божий» мир, и, наконец, остаются наедине, без докучных посредников, двое — человек и вселенная:

Против неба, на земле,
Жил старик в одном селе...»¹

Мечте о наступлении внеисторического рая как о конечной цели революции, казалось бы, отдал дань и Есенин. Во всяком случае, именно таков, на беглый взгляд, образ «все-ленского вертограда» в «Ключах Марии»:

---

¹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987, С. 90.

«Будущее искусство расцветет... как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой».¹

Наивность этой утопии Есенину не раз ставили в вину, но при этом забывали, что автор «Ключей Марии» говорит не вообще о будущем, а о «будущем искусстве». Мог бы он, скажем, написать: «Рай для мужика и есть социализм». Однако написал другое: «Рай в мужицком творчестве так и представляется...», то есть явно отделил преображенное в творчестве от бытовых представлений крестьянина о социализме.

Как к сказке относится Есенин и к толстовской идее «внеисторического мира». А вот мечта о возвращении человеку природы не была сказкой для Есенина. Обратите внимание: он нигде не говорит о бегстве в природу, этот руссоистский оттенок ему глубоко чужд. Идея «узловой завязи» была идеей правильного эстетического воспитания современного человека. Здесь, кстати, есенинская программа очень близка к той программе «естественного движения», с которой приехала в 1921 году Айседора Дункан в Советскую Россию. Да и в России эту веру исповедовал не один Есенин. Той же «берендеевой тропой» — тропой «сотрудничества», «согласования» с природой шел и Михаил Пришвин. В 1933 году, говоря о себе в третьем лице, — он так определил направление своего личного пути:

«Пришвин благодаря ...родственному вниманию выявляет нам лицо самой жизни, будь это цветок, собака, дерево, скала или даже лицо целого края». И далее: «Пришвин дает нам природу, поскольку в ней действительно содержится родственный человеку... культурный слой».²

Как и Пришвин, Есенин видит в природе родственный человеку не только биологический, но и культурный слой.

¹ Собр. соч. Т. 5, с. 181.

² Пришвин М. М. Мой очерк // Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1983, т. 3. С. 8.

Даже стихи, согласно его «чувствованию», не сочиняются, а растут — как трава, как дерево, органически связанные с культурным слоем природы. И если поэт потеряет ключи к этой тайне, если ненароком разрушит поэтический микроклимат, то и стихи пропадут, как пропадают грибы в лесу, который становится лесопарком... Тут он был крестьянином — в своем уважении к творящей стихии, к природе, которая может задавить обилием, а может и оскудеть, иссякнуть. Перепад между урожайным и неурожайным — не то чтобы годом — днем! — приводил его в отчаяние. Нечто подобное испытывал, кстати, и Пришвин, с той лишь разницей, что куда лучше Есенина умел трудиться над обработкой почвы — «священной материей»,¹ в которой зарождается творческая — творящая личность.

Итак, от неосознанной («собачьей») любви к природе — к мудрой философии, ставящей необходимость «узловой связи» сущности человека с миром природы как проблему острую и современную, — таков был путь, или, как принято говорить, эволюция Есенина.

Он был убежден: «...глазам нужно сделать какой-то надрез, чтобы они видели, что небо не оправа для алмазных звезд, а необъятное, неисчерпаемое море, в котором эти звезды живут, как многочисленные стаи рыб...».² И верил, что задача его поэзии, ее высшее предназначение — вернуть человеку его утраченное «детское» зрение. Словом, поначалу у него не было никаких других целей, кроме сугубо эстетических. Поначалу — и это фиксируют «Ключи Марии» — Есенина пугала творческая скудость, которой грозил современному искусству отрыв от природы (разорвавший с природой художник обречен на искусство головное, выдуманное, неестественное, «футуристическое»). По его глубокому убеждению, цивилизация, отрывая творца от земли, нарушила естественный ход вещей: что может быть нелепее дерева, растущего «кореньями вверх»!

Однако его неприязнь ко всему городскому и «железному», включая «железное Слово: Пре-эс-пуу-ублика!» («Товарищ», 1917), очень скоро приобрела этический и даже политический смысл.

¹ Пришвин М. М. Мой очерк. С. 8.

² Ключи Марии//Собр. соч. Т. 5. С. 182.

В Автобиографии 1922 года Есенин написал, что считает лучшей порой своей жизни год 1919-й. Это подтверждают и свидетельства современников:

«Ему было тесно и не по себе, он исходил песенной силой, кружась в творческом неугомоне. В нем развязались какие-то скрепы, спадали какие-то обручи — он уже тогда говорил о Пугачеве, из него ключом била мужицкая стихия, разбойная удаль... Надо было слышать его в те годы: с обезумевшим взглядом, с разметавшимся золотом волос, широко размахивая руками, в беспамятстве восторга декламировал он свою замечательную „Инонию“».¹

За неполные два года «творческого неугомона» Сергей Есенин, почти перестав писать лирику, создал цикл революционных поэм: «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор». Эта книга из отдельных поэм — создание небывалое, дерзко новаторское: и Новый завет новой мужицкой эры, и театрализованные игрища в честь телицы-Руси, и «орнаментическая эпопея», где тщательнейшим образом отреставрированы собранные по крохам народные представления и о назначении человека, и об исходе мира:

Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить.

(«Певущий зов»)

И в то же время «библейские» поэмы — произведения остро злободневные, отражающие отношение Есенина к революционным событиям — отливы и приливы его очарований и разочарований, с незапрограммированной точностью дневника. «Певущий зов» был сплошным разочарованием, но следующая за ним поэма — написанный в июне 1917-го «Отчарь», полна оптимизма. Это, пожалуй, самая мажорная глава орнаментальной эпопеи. Есенин, судя по этому тексту, убежден, что многомиллионное российское крестьянство, включившись в работу по строительству нового мира, сумеет отвести от «Голубой Руси» опасность «гибельной» свободы.

¹ Полонский В. Памяти Есенина // «Новый мир». 1926, № 1. С. 155.

теристика в поэме «Пантократор» — «непокорный разбойный сын» — отсылает нас к знаменитому автопортрету:

А там, за взгорьем смелым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

(«О Русь, взмахни крылами...»)

По всей видимости, эпический конфликт цикла является отражением конфликта личного — той внутренней борьбы, которая происходит в душе самого Есенина, жаждущего принять и «обжить» новорожденный мир и не умеющего совместить идеальные представления о революционном его преобразении с реальной действительностью. И тем не менее основная тональность есенинской Библии — мажор:

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

(«Небесный барабанщик»)

Лев Троцкий в открывающем знаменитый сборник «Памяти Есенина» (1926) вступительном слове утверждал, что поэт погиб потому, что был «несроден революции».¹

Библейские поэмы 1917—1919 годов опровергают это утверждение. Ни одно из созданных в ту пору поэтических произведений, даже «Двенадцать» Блока, не могут соперничать, по линии органического «средства» с революцией, с этим замечательным созданием Есенина.

И вдруг эта грандиозная постройка — и храм, и терем, и хижина, и золотая бревенчатая изба — рухнула... Есенин ерничает и богохульствует на обломках им же возведенного «храма».

¹ Памяти Сергея Есенина // «Памяти Есенина». М., 1926, С. 15.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
 Это грабли зари по пушам.
 Веслами отрубленных рук
 Вы гребетесь в страну грядущего.

(«Кобыльи корабли»)

Трубит, трубит погибельный рог!
 . . . . .
 Скоро заморозь известью выбелит
 Тот поселок и эти луга.
 Никуда вам не скрыться от гибели,
 Никуда не уйти от врага.
 Вот он, вот он с железным брюхом,
 Тянет к глоткам равнин пятерню.

(«Сорокоуст»)

Перепад катастрофичен. Было (год 1918, январь):

Так говорил по Библии
 Пророк Есенин Сергей.

(«Июния»)

И далее там же:

И в провал, стесненный бездною,
 Чтобы мир весь слышал тот треск,
 Я главу свою власозвездную
 Просуну, как солнечный блеск.

Стало (год 1920, ноябрь):

Сие есть самая великая исповедь,
 Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,
 С головой, как керосиновая лампа, на плечах...

(«Исповедь хулигана»)

Так что же все-таки случилось?

Лично с Есениным ничего особенно неприятного не произошло, если не считать разрыва с женой — Зинаидой Райх. Однако эта потеря («много в жизни смешных потерь») в переполненном большими ожиданиями году и не

воспринимается как утрата, хотя, судя по широкоизвестному «Письму к женщине» (1925), Есенин ушел и из этой своей жизни совсем не так легко, как представлялось со стороны и вчуже. Худо перенося всякого рода скрепы, и прежде всего узы семейственности, Сергей Александрович тем не менее тайно нуждался в них. Его разрывали два несовместных устремления: жажда воли, полной и безграничной свободы, и страх перед погибельной ее «отравой»...

Итак, 1919-й — лучшая пора жизни. А в конце 1920 года (4 декабря) Есенин признается Р. В. Иванову-Разумнику: «Переструение внутреннее было велико. Я благодарен всему, что вытянуло мое нутро, положило в формы и дало ему язык. Но я потерял зато все то, что радовало меня раньше от моего здоровья».¹

Словом, судя по всему, время перелома, давшего толчок и движение «внутреннему переструению», — год 1920-й (до 4 декабря).

В этом роковом и для России, и для революции году Есенин много ездил по провинции, в том числе и по южным губерниям; прожил почти две недели в Харькове, и значит, уже не по слухам знал, а воочию увидел: «равнинный мужик», на смиренность которого он, пророк Есенин Сергей, возлагал такие надежды, оказался вовсе не смирным, а бунтующим. То, что чудилось в «Инонии» (1918) страной утопического мужицкого «рая», где все ино, то есть мирно да ладно, обернулось «страной негодяев» — в драматической поэме с одноименным названием (1922—1923).

Как нередко случалось у Есенина, слово, вынесенное в заглавие, «запирало» в себе ряд значений: и негодующая страна, и местность, где никуда не годятся уборные, и не годящаяся для строительства «железной республики» стихия бунтующей крестьянской воли. Есть и еще один оттенок смысла, парадоксальный: негодующие мужики считают «негодяями» представителей Советской власти, а красноармейцы, в свою очередь, называют так бунтовщиков: «Нас окружили в приступ около двухсот негодяев».

«Страна негодяев», задуманная и начатая в 1921—1922 годах, писалась долго и мучительно. Чтобы художнически освоить страшный опыт «махновщины», Есенину потребо-

¹ Собр. соч. Т. 6. С. 101.

валось огромное (по тем стремительным временам) расстояние — почти три года!

Но вернемся в год 1920-й...

И в ответ партийной команде
 За налоги на крестьянский труд
 По стране свищет банда на банде,
 Волю власти считая за кнут.
 И кого упрекнуть нам можно?
 Кто сумеет закрыть окно,
 Чтоб не видеть, как свора острожная
 И крестьянство так любит Махно?
 Потому что мы очень строги,
 А на строгость ту зол народ,
 У нас портят железные дороги,
 Гибнут озими, падает скот.
 Люди с голоду бросились в бегство,
 Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
 И оскалилось людоедство
 На сплошной недород у крестьян.

(«Страна негодяев»)

Окошко, распахнутое разбойным свистом крестьянского мятежа, Есенин уже не смог закрыть даже «голубыми ставнями» отчего дома.

...По приезде из Харькова Сергей Александрович, не мешкая, не дожидаясь любимого им деревенского, рязанского, мая — июня с заревой теплыню, кинулся в родную деревню. Картина, которую он там застал, была удручающей:

«После бурных дней 1918 года у нас стало тихо... Прекратилась торговля, нет спичек, гвоздей, керосина, ниток, ситца. Живи как хочешь».¹

Анатолий Мариенгоф, провожая друга той весной в Константиново, — это хорошо запомнила Екатерина Есенина — предрек, что на этот раз на родине Сергей ничего не напишет. На чем основывался Мариенгоф, выдавая такой «прогноз», можно только предполагать. Но похоже, что после путешествия по южным провинциям, «разгневанным»

¹ Есенина Е. В Константинове // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 53.

«поборами на крестьянский труд», Есенин утратил внутренний лад, необходимый ему, чтобы «зажигаться от себя». Похоже также, что он потерял былую веру «в начала» и «концы», если вспомнить еще раз наказ Блока (отрывок из «Возмездия»), который, как я уже упоминала, Александр Александрович оставил Есенину словно бы в напутствие... В 1920-м все смешалось. Из красиво и ладно устроенного «космоса», где каждое движение имело внутреннюю согласованность, выглянул безобразный лик «хаоса»...

Перестав понимать, «куда несет нас рок событий», а непонимание для Есенина, с его здоровым крестьянским смыслом, с его пронизательным умом, было мучительным, столь мучительным, что он, как за якорь спасения, ухватился за «начала», за ту крепь, над которой еще так недавно иронизировал, за те кровные узы, за то генетическое сродство, каким был связан — и с русской деревней, и с русским «равнинным мужиком». Не с мифологическим Отчарем, а с реальным, пропахшим самогонкой и навозом мужиком, озлобленным поборами и схватившимся за нож и обрез («Мужик если гневен не вслух, То завтра придет с ножом»).

Вчитаемся в тот манифест, в тот личный вывод, который поэт сделал после Харькова, в то единственное стихотворение, какое он все-таки написал, несмотря на душевную смуту, в апреле — мае переломного 1920 года. В Константинове. Среди мертвой тишины и запустения, вызванного и «гладом», и «мором», а главное, крушением таких больших ожиданий:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

(«Я последний поэт деревни...»)

Если б мы не знали наверняка, что стихотворение написано ранней весной, когда лист на березах едва проклеывается, если б не было доподлинно известно, что создано оно в Константинове, где нет никаких мостов (через Оку здесь переправляются на лодках), его вполне можно принять за натурную зарисовку. Но это не пейзаж, а созданный средствами пейзажной живописи образ Прощания и с вымирающей — деревянной деревней, и с ее древней земледельческой, кустар-

ной культурой, и с ее последним поэтом — еще живым, но уже почуявшим, что время его — миновало:

Не живые — чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

Есенин сам заказывает панихиду по дорогим обреченным; сам ее в одиночку «справляет», и именно в том Храме, где можно совершать богослужение в любой час и на всяком месте — в храме Природы. Через знак древа («Всё от древа — вот религия мысли нашего народа»¹) выражает он свою самую большую боль, боль от гибели (умерщвления) и быта, где «все от древа», и рожденного этой «религией мысли» — искусства. Поэтому — «скромный» мост, который последний поэт деревни строит в песнях, мост из прошлого в будущее — над бездной настоящего, — «дощатый», из древа сложенный. Поэтому и знак гибели — хрип деревянных часов. Поэтому и служки храма — деревья, «кадящие» осенней листвой. И даже необходимая по сценарию поминального действия, по правилам древесно-растительного требника — свеча, как и все, что сплотилось в обреченном протесте против «не живых — чужих» ладоней «нового хозяина», — живая, из телесного воска сотворенная...

Необычайно трагичны и частные, дружеские письма Есенина смутных «кабацких» лет.

1921-й, декабрь. Сергей Есенин — Николаю Клюеву. Из Москвы — в Олонецкую губернию:

«Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею».²

1 июля 1922 года из Дюссельдорфа — А. М. Сахарову:

¹ Ключи Марии // Собр. соч. Т. 5. С. 171.

² Собр. соч. Т. 6. С. 111.

«Взвейтесь, кони! Неси, мой ящик... Матушка! Пожалей своего бедного сына...»

Весной 1923 года А. Мариенгофу из Парижа:

«Господи! даже повеситься можно от такого одиночества...»¹

Нет знаков, чтобы выразить смущение и от самого себя, и от происходящего? А не потому ли нет, что мысли, требующие воплощения, и боль, желающая сказаться, неясны смутны — таятся во мгле?

В неразрешимости конфликта между «деревенской» сущностью психики поэта и губительным для него «городским» образом жизни Горький (и не он один) видел истоки есенинской драмы, приведшей к трагической развязке — самоубийству в ночь на 28 декабря 1925 года:

«Пришел из деревни отличный поэт Сергей Есенин... начал отравляться нечистыми удовольствиями города, потом начал бунтовать против него детским бунтом и, разбив о город некрепкое свое сердце, погиб. Драма совершенно законная».²

6

А между тем Есенин «бунтовал» вовсе не против города вообще, даже в его крайнем — американском варианте. Окрестив (в одноименном очерке) Нью-Йорк «железным Миргородом», он имел в виду примитивность «внутренней культуры» «среднего американца». Что же касается технических достижений Нового Света, в которых он увидел доказательство безграничных возможностей человечества, то они восхитили его: «Это поэма без слов».³ Больше того, именно в Америке, которую еще так недавно (в «Инонии») поэт называл «отколотой половиной земли», Есенина впервые, кровно и лично, уязвила отсталость России:

«Вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню... наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь», как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию».⁴

¹ Там же. С. 124.

² Горький М. Сергей Есенин // Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953. Т. 24. С. 310.

³ Собр. соч. Т. 5. С. 144.

⁴ Там же. С. 143.

Несмотря на категоричность этого заявления, не будем все-таки относиться к нему как к окончательному, не подлежащему пересмотру выводу, поскольку в том же «Железном Миргороде» автор наверняка не мимоходом обращает наше внимание на «силу» американского «железобетона», которая «стесняет мозг» и «сужает зрение»¹. Ведь это наблюдение впрямую перекликается с его часто цитируемым письмом к Е. Лифшиц (август 1920 года). Пересказав корреспондентке эпизод «соревнования» маленького жеребенка с паровозом, поэт истолковывает его как символический образ беззащитности живого перед «незыблемой силой... механического». В том же письме есть и такая мысль: в социализме, сделавшем ставку на «коня стального», тесно «личности как живого»².

После очной ставки с Америкой, примирившей Есенина (судя и по «Железному Миргороду», и по перекликающимся с этим очерком стихами: «Через каменное и стальное Вижу мощь я родной стороны»³) с индустриально-железобетонным будущим полевой и тележной России, он, чтобы быть последовательным, должен был принять как неизбежность и *утеснение* личности. Но Есенин и не умел и не желал быть последовательным! Он был убежден: «Человеческая душа слишком сложна для того, чтоб заковать ее в определенный круг звуков какой-нибудь жизненной мелодии или сонаты. Во всяком круге она шумит, как мельничная вода, просасывая плотину»⁴.

Его ум благословлял «коммунистическое строительство»: «Пусть я не близок коммунистам как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве»,— сказано в «Железном Миргороде».⁵ Но чем дальше, тем чаще поэт оказывался в разладе то с чувством, то с душой...

А кроме того, как свидетельствует Сергей Городецкий, Есенин, именно после возвращения из-за границы, был серьезно «ранен советской деревней».⁶ И вряд ли причина

¹ Собр. соч. Т. 5. С. 152.

² Собр. соч. Т. 6. С. 99—100.

³ Из стихотворения «Неуютная жидкая лунность...».

⁴ Ключи Марии // Собр. соч. Т. 5. С. 188.

⁵ Собр. соч. Т. 5. С. 143.

⁶ Городецкий С. Избр. произведения. Т. 2. С. 464.

незаживания новой раны была лишь в том, что город «обижает» деревню, что полуобманутый мужик, надеявшийся на отмену податей за пашню, вынужден отдавать за сапоги, за несколько аршин мануфактуры весь урожай!

Это горе все не горе... Тем более что краткие, но частые в последние годы наезды в «отчий край» убеждали разум: «Жизнь входит в берега»:

С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...

(«Русь уходящая»)

Так чем же огорчен защитник пропахшего навозом пахаря? Что мучит его? А. Воронский, человек наблюдательный, утверждал: в последние годы Есенин приезжал из Константинова «притихший», «как будто потерявший что-то в родимых краях». А если спрашивали, отвечал неопределенно: «Все новое и непохожее. Все очень странно».¹

Ну, что касается нового и непохожего на былое, так ведь к нови можно и «приобщиться». Сначала душой, а там, глядишь, и лирой! Надо только сломать себя, научиться писать по иной, соответствующей новому климатическому стилю России поэтике. Образовать, так сказать, ликбез и начать с начала — с азов:

Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

(«Издатель славный! В этой книге...»)

Надо только выбраться из «узкого промежутка» — ни там, ни здесь... *Выбираться* нужно было оттуда еще и потому, что Есенин чувствовал: он, Орфей, утрачивает власть над такой послушной (еще вчера!) аудиторией. И дело не только в самолюбии, но и в более серьезных вещах. «Библейские поэмы» остались без резонанса. Так же, как удивительный

¹ С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 73.

«Пугачев». Славу поддерживали, по его мнению, лишь такие произведения, как «Москва кабацкая», «Персидские мотивы»...

Есенин не раз говорил, что не хочет и не может жить в поэзии Пастернаком, то есть быть поэтом для узкого круга почитателей. Впрочем, как оказалось, и сам Пастернак тяготился узким успехом. А. Гладков приводит в своих воспоминаниях такое признание Бориса Леонидовича: «Я много бы дал за то, чтобы быть автором "Разгрома" или "Цемент"... Поймите, что я хочу сказать. Большая литература существует только в сотрудничестве с большим читателем».¹

Оказаться во втором ряду? Кому? Ему — Есенину?! Только не это. Надо срочно, экстерном сдавать экзамен на настоящего, а не «сводного сына» «в великих Штатах СССР».

И Есенин решился на новое великое «переструение», объявив во всеуслышание, что разрывает с «богемой», «тоской» и «отколом», ибо в нем «созрел поэт с большою эпической темой».²

Не узнавая в новых смелых опытах прежнего Есенина, и в «Капитане Земли», и в «Ленине», и в «Балладе о двадцати шести», и в «Поэме о 36», даже самые близкие Сергею Александровичу люди стали поговаривать о том, что он пишет не то и не так. Есенин вынужден был объясниться:

«Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделять стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен... Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв».³ И Есенин действительно прорвался: написал настоящую большую революционную вещь «Анну Снегину». Однако этот, без преувеличения, подвиг переструения не был по-настоящему оценен ни большим читателем, ни большой критикой: на «Анну Снегину», как вспоминал В. Наседкин, не было ни одного серьезного критического отзыва... Есенин явно переходил в иную категорию

---

¹ Гладков А. Поздние вечера: Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986. С. 125.

² На Кавказе // Собр. соч. Т. 2. С. 96.

³ Письмо к Г. А. Бениславской от 20 декабря 1924 г. // Собр. соч. Т. 6. С. 167.

из первых поэтов «буйственной Руси» — в «попутчики» («чин», данный Есенину его главным «покровителем» в правительственных кругах — Львом Троцким).

Не этим ли вытеснением на обочину литературной жизни был спровоцирован резкий приступ ностальгии в июле 1925 года — уже после «Песни о Великом походе» и «Анны Снегиной»?

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Всё равно остался я поэтом
Золотой бревёнчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

(«Спит ковыль. Равнина дорогая...»)

Илья Эренбург писал в «Портретах русских поэтов»:

«Деревня, захватившая все и безмерно нищая, с пианино и без портков, взявшая в крепкий кулак свободу и не ведающая, что с ней, собственно, делать, деревня революции — откроется потомкам не по статьям газет, не по хронике летописца, а по лохматым книгам Есенина»¹.

В 1922 году этот «прогноз» был почти точным.

К 1924-му ситуация переменилась. Пока, правда, нэп еще не знает, что жить ему осталось всего ничего, и старается вовсю.

А Есенин, словно уже зная то, чего еще никто не видит, сталкивает А. Воронскому: «Не так, мол, просто, товарищи коммунисты: около мужичка вам придется попытеть да попытеть, не все у вас с ним благополучно».²

С мужичком, действительно, оказалось сложнее, чем

¹ Эренбург И. Сергей Александрович Есенин // Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 84—85.

² Воронский А. К. Памяти Есенина // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 73.

предполагалось в «прекраснейших мыслях и планах», в том числе и в его, Есенина, предначертаниях.

Скажем, такой эпизод из «Анны Снегиной». Подъезжая к селу Радово, автор расплачивается с возницей:

Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.

Конечно, без подобных «отвратительных малых» русская деревня отродясь не обходилась: где боровики, там и мухоморы... И все-таки прежде они почему-то не плодились в таком опасном количестве...

Почитаем еще «Анну Снегину»:

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.

Дав убийственную характеристику этому «негодю» (пятый, то есть лишний туз — шулерская карта в колоде), напомнив также читателю, что и этот «отвратительный» тип — не новость на русском национальном горизонте («таких вы, конечно, видали»), Есенин показывает, какой простор дает «лабутям» новый уклад. Не «положительный» Прон, а его брат организует разор помещичьего дома; это его хвастливой трусости, обернувшейся «куражом», обязаны радовцы «скоростью расправы»:

В захвате всегда есть скорость:
«Даешь! Разберемся потом!»

Но это только начало восхождения Лабути, в дальнейшем все будущее села оказывается в его «нерабочих ладонях»:

Такие всегда на примете,
Живут, не мозя рук.
И вот, он, конечно, в Совете.

И еще одно новообразование успел разглядеть Есенин в развороченном сельском быте: опасные сны, снящиеся «пастушатам Петям»¹. Таким хорошим! Бедным! Правильным! Устав от пастушества («трудно хворостиной управлять скотиной»), Петя-пастушок возмечтал о лучшей доле. Ну чем он хуже комиссара, живущего на своей «квартире» и разъезжающего по хлябям «в волостной коляске»? Сказка на то и сказка: здесь и в страшных снах — как в жизни:

Всё доступно в мире —
Петя комиссаром
На своей квартире
С толстым самоваром.

Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе.
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Одна у «всесильного» комиссара печаль-неувязка: надо, оказывается, не только чай распивать, но и дело делать — дел-то невпроворот:

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой,—
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Как строятся школы и из чего ладится обува-одева, Петя-комиссар, разумеется, не ведает; не по зубам ему и забота о хлебе — высшая премудрость крестьянской грамоты:

---

¹ См.: «Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (1925 год, октябрь).

Он ведь пас скотину —
 Понимал на свете
 Только хворостину.

В сказке обошлось: Петя проснулся — очухался, вернулся к своим коровам, правда, лишь после взбучки, устроенной односельчанами...

Но, может быть, Есенин просто шутит? Малышам «в острастку»? Увы, не шутит. Развороченный, с подначки «лабутей», сельский быт никак не складывался, не превращался в бытие — живую жизнь... И. Оксенов вспоминает, что Есенин, в апреле 1924 года выступая на молодежном вечере, говорил следующее:

«Время сейчас текучее, я ничего в нем не понимаю». Но это — с эстрады. А за кулисами, на, казалось бы, вполне бытовой вопрос: бывает ли он в своей деревне, ответил:

«Мне тяжело с ними. Отец сядет под деревом, а я чувствую всю трагедию, которая произошла с Россией...»¹

Под Маврикийским дубом
 Сидит мой рыжий дед,
 И светит его шуба
 Горохом частых звезд.

(«Октоих»)

Год 1924: «Отец сядет под деревом...» Под той самой слабой яблонькой, что чудом уцелела в погорельщину. И эта малолетка, без единого яблочка,— все, что осталось от упований Александра Никитича Есенина, от тех «вспухавших» надеждой лет, когда отец поэта старался жить: купил лошадь, посадил яблони...

Холодный петроградский апрель. Впрочем, уже ленинградский: «Капитана Земли» — Ленина — третий месяц нет

---

¹ Оксенов И. Из воспоминаний о С. Есенине // Памяти Есенина. С. 112.

в живых, но пущенный им в плаванье Корабль «гребется в страну грядущего»...

А сам поэт? И хотел бы плыть в грядущее, да не может.

Что-то будет?
 Что-то будет!
 Повсюду
 Воют слухи, как псы у ворот...
 Быть беде!
 Быть великой потере!

(«Пугачев»)

«...Идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит *тогда* эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают»¹.

«Не тот» социализм не просто теснил — он вытеснял пророка Есенина Сергея в «узкий промежуток» партикулярной жизни — из пророков в попутчики. Того, что его частная судьба, преображенная в пленительные «ухватистые» стихи и помноженная на резонанс, станет со временем национальной ценностью, Есенин, конечно, не знал. Ни в 1920-м, ни в 1925-м. И проводив отчалившую голубую Русь, и сам отчалил из несбывшейся Инонии — в «Русь бесприютную»...

А вскоре и вообще ушел —

В ту страну, где тишь и благодать...

(«Мы теперь уходим понемногу...»)

---

¹ Есенин С. А. Письмо к Е. И. Лившиц от 11—12 августа 1920 г. // Собр. соч. Т. 6. С. 100.

Отлетел, как пушкинский Моцарт, «с земли на незримую сушу», так и не отдав «заветной лиры» — ни современникам, ни ближайшим потомкам, ибо «лира милая» уже была завещана — «грядущим поколениям». Тем, кому придется очищать от «плесени» мосты — из «пространства чрева»¹ в «пространство духа», чтобы «выдолбленный челнок» — «корабельный» наш Дом — поплыл, естественно и вольно, по свободной Большой Воде...

Алла Марченко

---

¹ См. в «Ключах Марии»: «Мы считаем преступлением устремляться глазами только в одно пространство чрева...» (Собр. соч. Т. 5. С. 187).

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
    Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
    Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
    Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
    Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
    И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
    И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
    У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
    Красавица весна.

1910

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в аlostях зари.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

Подражанье песне

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон
Всё мне чудился тихий раскованный звон.

1910

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе —
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул
за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

* * *

Матушка в Купальницу по́ лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалю и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

Береза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

<1913>

* * *

На небесном синем блюде
Желтых туч медовый дым.
Грезит ночь. Уснули люди,
Только я тоской томим.

Облаками перекрещен,
Сладкий дым вдыхает бор.
За кольцо небесных трещин
Тянет пальцы косогор.

На болоте кричат цапля;
Четко хлюпает вода,
А из туч глядит, как капля,
Одинокая звезда.

Я хотел бы в мутном дыме
Той звезды поджечь леса
И погнуть вместе с ними,
Как зарница в небеса.

1913 или 1914 ?

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самую макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

〈1914〉

С добрым утром!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

⟨1914⟩

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора —
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой,—
Ой, не любит черны косы домовый.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914

* * *

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы — кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

1914

Русь

1

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки длинные, зимние
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехахми храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь — везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

3 С. Есенин

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина.
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой —
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей.
И пришли к ним неожиданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестинным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в даях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

1914

* * *

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком —
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звянущей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

1914

* * *

Я — пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росую тополя.
Я — пастух, мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

* * *

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукуане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

1914

* * *

Г ой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подошочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

1914

Осень

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914 ?

Черемуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремячу
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

(1915)

* * *

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьюю —
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет по ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

1915

* * *

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик наумяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

1915

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

1915

Корова

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.
И на колу под осиною
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом сее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

1915

* * *

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гушей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нилочем ей страх.

И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

1915

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит:
Только гордые в силе живут;
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю;
Будет злобно крутить порошá,
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

⟨1916⟩

* * *

Запели тесанные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Нсвольно крестится рука.

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

⟨1916⟩

---

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

⟨1916⟩

* * *

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к ухodu.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменяла.

Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет.

⟨1916⟩

* * *

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

⟨1916⟩

Голубень

В прозрачном холоде заголубели доли,
Отчетлив стук подкованных копыт,
Трава поблекшая в расстеленные полы
Собирает медь с обветренных раки.

С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох,
И вечер, свесившись над речкою, полощет
Водою белой пальцы синих ног.

*

Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

*

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.

*

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хрустом мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

*

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей любви.

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

*

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

⟨1916⟩

* * *

Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких ветел
Перепельи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.

Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.

Июнь 1916

* * *

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут, всклокоченные, мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.

О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

*Июнь 1916
Константиново*

Лисица

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей всё бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ошур сочилась тихо кровь.

1916

* * *

За горами, за желтыми дóлами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее поल्या,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

1916

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи,—
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

1916

* * *

О пять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливаётся задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заморозит, не обмахнет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе — в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
 Ни тихих ласк, ни глубины,—
 Глаза, увидевшие землю,
 В иную землю влюблены.

1916

* * *

О красном вечере задумалась дорога,
 Кусты рябин туманней глубины.
 Изба-старуха челюстью порога
 Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
 Крадется мглой к овсяному двору;
 Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
 Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
 Зола зеленая из розовой печи.
 Кого-то нет, и тонкогубый ветер
 О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рошам
 Шербленный лист и золото травы.
 Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
 Целует клюв нахохленной совы.

Всё гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
 Дорога белая узорит скользкий ров...
 И нежно охает ячменная солома,
 Свисая с губ кивающих коров.

1916

* * *

О товарищах веселых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Всё приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

1916

---

* * *

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водополя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

1916

* * *

Прошай, родная пуца,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сняй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостью звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

1916

* * *

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил поводя.

Снова выплыл из роши
Синим лебедем мрак.
Чудотворные моши
Он принес на крылах.

Край ты, край мой родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожжи
Всё теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

1916

* * *

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

1916

* * *

Заметает пурга
Белый путь.
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забежала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.

Утром ворон к березоньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

⟨1917⟩

* * *

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

〈1917〉

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смирный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

⟨1917⟩

* * *

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным дровом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к небу глаза подняло
И сказало:
«Тяжек мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося — месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость...

Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

⟨1917⟩

Певущий зов

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И змея потеряла
Жало.

О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце,—
Хвалите бога!

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами...

Сгинь ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!
Не познать тебе Фавора,
Не слышать тайный зов!

Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Всё упрямей, всё напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...

«Пляши, Саломея, пляши!»
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души,—
Но близок твой час расплаты!
Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
Его уста,
Снова грозят
Содому:
«Опомнитесь!»

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы — яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы — гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Всё себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

*Апрель 1917
Петроград*

Отчарь

1

Т учи — как озера,
Месяц — рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!

Голубые воды —
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Могутные плечи —
Что гранит-гора.

2

Под облачным древом
Верхом на луне
Февральской метелью
Ревешь ты во мне.

Небесные дочери
Куделят кремник;
Учил тебя вере
Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозовый ятаг
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря — как волчиха
С ослабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На желтый язык.

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И звездный покров.

3

О чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Привявший в корузные руки
Младенца нежного,—
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!

Я сын твой,
Выросший, как ветла
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр.

По сединам твоим
Узнаю, что был снег
На полях
И поемах.

По глазам голубым
Славлю
Красное
Лето.

4

Ах, сегодня весна,—
Ты выиграл, как поток!
Гладит волны челнок,
И поет тишина.

Славен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

5

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однаждыный
Свет ангельских юрт.

Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.

Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
А цепь Акатуя —
Тропа перед скит.

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Всё русское племя
Сзывает к столам.

И, славя отвагу
И гордый твой дух,
Сыченою брагой
Обносит их круг.

*19—20 июня 1917
Константиново*

* * *

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать, за муки
Над пропащим мужиком —
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

15 августа 1917

Преображение

Разумнику Иванову

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Перед воротами в рай
Я стучусь:

Звездами спеленай
Телицу-Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

2

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

«О, веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею ощенится
Златым щенком луна.

Иной травой и чашею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

3

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо,—
Трубите в трубы.

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет.

По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле —
Синь.
Бубенцы на шлее —
Звезды.

4

Стихни, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

5

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды —
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Ноябрь 1917

---

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуше
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кушей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок,
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

---

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

1917

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О, лесная, дремучая муть!
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

1917

* * *

О, верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодатную весть.
О, верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!
Блажен,— кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917

* * *

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый
Его не смоеет в нас,
Чтоб звон твоей лампы
Под ветром не погас.

1917

* * *

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1917

---

* * *

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Всё в них благостно и свято,
Всё тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

1917

* * *

Небо ли такое белое,
Или солью выцвела вода?
Ты поёшь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Всё равно — Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Всё равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпекает тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

1917

---

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стяхнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пушей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

1917 или 1918

Инония

Пророку Иеремии

1

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей —
Так говорил по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.

Не хочу воспрять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Я иное узнал пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.

Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукою упругую
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай кблоколов над Русью грозный —
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоём часослове я
Прокляю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем ночь.

Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небесною
Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьём клыков.

Твое солнце коггистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь.

Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

Говорю вам — вы все погибнете.
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой бог.

И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Всё равно — он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

Всё равно — он спалит телием,
Что ковало реке брега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

Новый сойдет Олипий
Начертать его новый лик.
Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли.—
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздинами
Свянные далеких звезд.

Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставляю на земле следы.

Пятками с облаков свесюсь,
Прокопью тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.

Говорю тебе — не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок еще
Пусть в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.

Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.

Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон,
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрежут реки,
Просверлив все преграды глыб
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе — будет время,
Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

4

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.

Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе,—
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

«Слава в вышних богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Иисуса
Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!»

Январь 1918

Иорданская голубица

1

Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

2

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Ради вселенского
Братства людей

Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.

Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

3

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланных коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.

4

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протонтан Млечный Путь.

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, —
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви — судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец —
Завтра нищий человек.

5

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

20—23 июня 1918

Константиново

* * *

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил — печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вздохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
„Прощай, моя голубка,
До новых журавлей“».

15 августа 1918

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

* * *

О, пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О, край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исая
Моих золотых коров.

1918

* * *

И небо и земля всё те же,
Всё в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.

Не огражу мой тихий кров
От радости над умираьем,
Но жаль мне, жаль отдать страданью
Езекиильский глас ветров.

Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые mreжи
Сгоняй сребристых окуней.

1918

* * *

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлады,
 Синий сумрак как стадо овец,
 За калиткою смолкшего сада
 Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
 Так не слушал разумную плоть,
 Хорошо бы, как ветками ива,
 Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
 Мордой месяца сено жевать...
 Где ты, где, моя тихая радость —
 Всё любя, ничего не желать?

1918

* * *

Клюеву

... еперь любовь моя не та.
 Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
 О том, что лунная метла
 Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
 Спадающей тебе на брови,
 Ты сердце выпеснил избе,
 Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
 Прошел, как прежде, мимо крова.
 О друг, кому ж твои ключи
 Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

1918

* * *

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

1918

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть нурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

Песнь о собаке

У тром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

⟨1919⟩

Небесный барабанщик

Л. Н. Старку

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеem пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними,—
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.

Если этот месяц
Друг их черной силы,—
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметем все тучи,
Все дороги взмесим,
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчком.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать випочем.

Смыкайтесь же тесной стеною!
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил —
На тени церковей и острогов,
На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламенят.

4

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце — свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Тает облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

〈1919〉

* * *

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.

⟨1919⟩

Пантократор

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!»
Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури —
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси —
В колодезь златое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом к земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Февраль 1919

* * *

В от такой, какой есть,
Никому ни в чем не уважу,
Золотую плету я песнь,
А лицо иногда в сажу.

Говорят, что я большевик.
Да, я рад зауздать землю.
О, какой богомаз мой лик
Начертил, грозовице внемля?

Пусть Америка, Лондон пусть...
Разве воды текут обратно?
Это пляшет российская грусть,
На солнце смывая пятна.

Февраль 1919

Кобыльи корабли

1

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смрада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый —
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настезь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накопль?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда» —
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

3

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистей кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? Где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

4

Звери, звери, приидите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волоса —
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Всё познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!

Сентябрь 1919

* * *

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стяхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стяхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

1919

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,—
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвою хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?

Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвою по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919

Сорокоуст

А. Мариенгофу

1

Т рубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль. . . . . ?

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль — знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню,

Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх.
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармоника:
Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И всё сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поеззд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.

Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях,—
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой,
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Август 1920

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда камня брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.

Я нежно болен вспоминаям детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Всё тот же ль он теперь, с верхушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погребав.

Я всё такой же.
Сердцем я всё такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари коса.
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну . . . . .

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!

Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

* * *

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

1920

* * *

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые — чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

1920

* * *

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колка
Эта песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты — я, отсюда гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и заруюсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

1921

* * *

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колоколья
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым.
Коль несчастен — то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал,
Но увы! Всѣ одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

1921

Песнь о хлебе

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

1921 ?

* * *

Всё живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худошавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипяtkовая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная грудa,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет!»

Февраль 1922

Прощание с Мариенгофом

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне руки —
Я по-иному не привык,—
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может, вновь...
Мне страшно — ведь душа проходит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли — в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но всё ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

1922

* * *

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется всё чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

1922

* * *

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

* * *

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгlistом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе, —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

1922

* * *

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед,—
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,—
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и всё ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».

⟨1923⟩

* * *

 та улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюдов кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,

Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Всё истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

⟨1923⟩

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонкой касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

⟨1923⟩

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

1923

* * *

Пу^скай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход непрехотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пронетть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Всё явилось как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.

Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

9 октября 1923

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было, и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

1923

* * *

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески — в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже,—
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.

И любовь — не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жель.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвель.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

1923

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

* * *

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Всё сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и корябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

1923

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто-ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

〈1924〉

* * *

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было всё тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это всё мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это всё, что зовем мы родиной,
Это всё, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дождаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

〈1924〉

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканием в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Всё равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

⟨1924⟩

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,—
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

〈1924〉

Пушкину

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

〈1924〉

Возвращение на родину

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатую кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
— «Ах, дедушка, ужели это ты?»
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы.

.....

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться».
Он говорит, а сам всё морщит лоб.
«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
— «Нет!..»

— «А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.

Теперь и богу негде помолиться.
 Уж я хожу украдкой нынче в лес,
 Молюсь осинам...
 Может, пригодится...

Пойдем домой —
 Ты всё увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольной.
 Я улыбаюсь пашням и лесам,
 А дед с тоской глядит на колокольню.

. . . . .
 . . . . .

«Здорово, мать! Здорово!» —
 И я опять тяну к глазам платок.
 Тут разрыдаться может и корова,
 Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
 Здесь жизнь сестер,
 Сестер, а не моя,—
 Но всё ж готов упасть я на колени,
 Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
 Женщина с ребенком.
 Уже никто меня не узнает.
 По-байроновски наша собачонка
 Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
 Не тот ты стал,
 Не тот.
 Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет...
.....
.....
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

1 июня 1924

Русь Советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На переключке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,

Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, невытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак,—
Буржуя энтото... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен.
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю всё.
Как есть всё принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Лето 1924

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож,

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924

Ленин

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ГУЛЯЯ-ПОЛЕ»

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушьё пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенегИ?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная воль не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Всё спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

. . . . .

Россия —

Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, кто в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,—
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода.

Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

. . . . .

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.

. . . . .

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.

. . . . .

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

. . . . .

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

. . . . .

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.

Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
«Л е н и н у м е р!»
Их смерть к тоске не привела.

. . . . .

Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...

1924

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Всё, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебязьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.

О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

Стансы

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи — не очень трудные дела.

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может —
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу всё
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри,— он говорит,—
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриной мощи,
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил —
Нам на земле
Устроить это проще.

И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.

Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

Теперь года прошли,
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кушей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш

Сергей Есенин.

1924

Поэтам Грузии

И писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.

Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.

Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал всё лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

1924

Письмо от матери

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,

У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохойю.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был так смиренен.

И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохою.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,

То было б всё,
И при твоём уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость,
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

. . . . .
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но всё, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

1924

Ответ

С тарушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.

Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.

Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот — у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про всё.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж — идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

1924

Цветы

1

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.

2

Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда.

3

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

4

Цветы мои! не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,

Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка — я на костер
Лечу и огненность целую.

5

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

6

И на рябине есть цветы,
Цветы — предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

7

Любовь моя! прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.
Помрем — за нас придут другие,
Но это всё же не такие —
Уж я не твой, ты — не моя.

8

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидеть!
Я поражен другим цветением
И потому словесным пением
Земную буду славить гладь.

9

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить.

10

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но всё же мощностью упругой
Они сразили палачей.

11

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но всё же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

12

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что всё на свете повторимо.

И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впусую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

1924

Батум

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.

От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу всё тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра
Иль Марсея
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе — нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький,
Может быть,
Мисс Метчел

Или Клод
Обо мне вспомнят
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы,
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань,

Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу всё тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью
Слышен свист —
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синеет
Весь Батум.
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.

Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу всё тягостней
И пристальной
В очарованную даль.

1924

* * *

Годы молодые с забубённой славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю на ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси всюю! Чай, рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли,—
Синие твои глаза в кабаках промокли».

1924

На Кавказе

Издравле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрывать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне всё равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то как надо не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком,

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забуть ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

*Сентябрь 1924
Тифлис*

Баллада о двадцати шести

*С любовью — прекрасному художнику
Г. Якулову*

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокошет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.

Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.

Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку —
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».

. . . . .
. . . . .

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.

Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.

А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-ый, несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран
Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленный
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И, кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было,
26.

Их могилы пескам
Не занести.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук.
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.

. . . . .
Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:

«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть — как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм —
Зная всех свобод.

Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

. . . . .
Свет небес всё синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой,
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь.
26 их было,
26.

*Сентябрь 1924
Баку*

Русь уходящая

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но всё ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они как отрубы в решетке
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрию...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

2 ноября 1924

Письмо деду

П окинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу...
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе
Накинуть свой пиджак,

Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь я,
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь:
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город — плут и мот.
Но только, дедушка,

Едва ли так, едва ли,—
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнить в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани,
А у тебя —
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь —
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не завезут.

Я знаю —
Ты б приехал к розам,
К теплу.

Да только вот беда:
Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,
И дым над ней, как грива —
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню —
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю —
Время даже камень крошит...
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь...

Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.
В стране, объятай вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь
Вор не уведет.

*Декабрь 1924
Батум*

Метель

Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить век.
Нет!
Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.

Хочу читать, а книга выпадает,
Долит зевота,
Так и клонит в сон...

А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.

Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.
Какой он клен?
Он просто столб позорный —
На нем бы вешать
Иль отдать на слом.

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной:
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночью не голосили.

Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,

Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.

Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Луну, наверное,
Собаки съели —
Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.

Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Глаза смежаются.
И как я их прищурю,
То вижу въявь
Из сказочной поры:

Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать — как ведьма
С киевской горы.

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет,—
Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.

И скажет громко:
«Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал немало...»

Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из „Капитала“».

Декабрь 1924

Весна

Припадок кончен.
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что для поэтов —
Свой закон.

Метель теперь
Хоть чертом вой,
Стучись утопленником голым,—
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,
Да и меня жалеть не нужно,
Коль мог покорно умереть
Я в этой завирухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!
Добрый день!
Не бойся!
Я тебя не трону.
И, коль угодно,
На плетень
Садись по птичьему закону.

Закон вращения в мире есть,
Он — отношеньё
Средь живущих.
Коль ты с людьми единой куши —
Имеешь право
Лечь и сесть.

Привет тебе,
Мой бедный клен!
Прости, что я тебя обидел.
Твоя одежда в рваном виде,
Но будешь
Новой наделен.

Без ордера тебе апрель
Зеленую отпустит шапку,
И тихо
В нежную охапку
Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
Водой окатит из колодца,
Чтобы в суровом октябре
Ты мог с метелями бороться.

А ночью
Выплывет луна.
Ее не слопали собаки:
Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но драка кончилась...
И вот —

Она своим лимонным светом
Деревьям, в зелень разодетым,
Сиянье звучное
Польет.

Так пей же, грудь моя,
Весну!
Волнуйся новыми
Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

Земля, земля!
Ты не металл,—
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку,
И вдруг —
Понятен «Капитал».

Декабрь 1924

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

1

У леглась моя былая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хорасана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Всё равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

2

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

3

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Декабрь 1924

4

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Евфратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

5

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Всё равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

6

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже всё некрасивое в роке
Осеньет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1924

7

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чаши.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом — в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

1925

8

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом —
И тебя блаженством ошафранит.

Жить — так жить, любить — так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада,—
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

1925

9

В Хорасане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хорасане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,

Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Март 1925

10

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабыть о ласковом уресе
И глазах, задумчиво-простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

11

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

Август 1925

12

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко,
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

Август 1925

13

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хорасана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана?» —

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завесив.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаше,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Говорила: „Русский не заметит...
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело...“»
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

. . . . .
Но и всё ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Август 1925

14

Г лупое сердце, не бойся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бойся.

Август 1925

15

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты — ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе. Ты и я.
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тених ветвей
Обнимает розу соловей.

8 апреля 1925

16

Море голосов воробьиных,
Ночь, а как будто ясно.
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях.
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

1925

Мой путь

Жизнь входит в берега,
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущения детских лет.

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...
И бабка что-то грустное
Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот.

Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мерещились кресты.

Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.

Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

. . . . .

Года текли.
Года меняют лица —
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский —
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрав.

На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пушкой я сдохну,
Только...
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.

Посмотрим —
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забил
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.

Не нравится?
Да, вы правы —
Привычка к Лориган
И к розам...

Но этот хлеб,
Что жрете вы,—
Ведь мы его того-с...
Навозом...

Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая,
В юбчонке белой,
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.

Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.

Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало —
Недаром лег
Страдальчески так рот.

По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей,
Хожу смотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.

Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

〈1925〉

Письмо к сестре

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой далекий,
Но всё же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,

Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростке
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,
На мне лежит печать...
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я...
Сиреновой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя,
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.

«Блажен, кто не допил до дна»¹
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад..
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они
Помянут невпопад,
Что жили...

Чудаки на свете.

〈1925〉

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

---

¹ Слова Пушкина.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчету краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты всё же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

⟨1925⟩

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с тобой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад польшет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Всё как есть без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Всё явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

⟨1925⟩

Капитан земли

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым всё так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,

Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не Пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Всё делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925

* * *

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга
 Обо мне поют крапивой,—
 Брызжет полночью дуга,
 Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
 Даже шапки не докинуть.
 Песне тайна не дана,
 Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
 В отчий дом ведут дороги.
 Повезут глухие дроги
 Полутруп, полускелет.

Ведь недаром с давних пор
 Поговорка есть в народе:
 Даже пес в хозяйский двор
 Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
 Жил и не жил бедный странник...

. . . . .
 В синий вечер над прудом
 Прослезится конопляник.

Между 1 и 5 мая 1925

* * *

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
 Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
 И сердце под рукой теперь больней и ближе,
 И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Май 1925

* * *

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, вливаясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

12 июля 1925

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Всё сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

14 июля 1925

* * *

Иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка—
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках — песня, в этих строчках — слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

18 июля 1925

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Всё равно остался я поэтом
Золотой бревёнчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и всё же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Всё любя, спокойно умереть!

Июль 1925

* * *

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и всё ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

Июль 1925

* * *

ри, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листовою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

17 августа 1925

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык —
Я живу давно на всё готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и всё ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за всё благодарю.

17 августа 1925

* * *

Л истья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

Август 1925

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
 Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
 Не шуми, осина, не пыли, дорога,
 Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.
 Ей чужая юность ничего не значит.
 Ну а если значит — проживет не мучась.
 Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуше, лейся, песня, звяньше —
 Всё равно не будет то, что было раньше.
 За былую силу, гордость и осанку
 Только и осталась песня под тальянку.

8 сентября 1925

* * *

Сестре Шуře

Я красивых таких не видел,
 Только, знаешь, в душе затаю
 Не в плохой, а в хорошей обиде —
 Повторяешь ты юность мою.

Ты — мое васильковое слово,
 Я навеки люблю тебя.

Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воеет покинутый пес.

Но и всё ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.

Всё прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
 Что вовек я любил не один
 И калитку осеннего сада,
 И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну а я припомню
 И не буду забывчиво хмур:
 Так приятно и так легко мне
 Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
 Полюбил у березки стан,
 И ее золотистые косы,
 И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко —
 Мне за песнею и за вином
 Показалась ты той березкой,
 Что стоит под родимым окном.

13 сентября 1925

* * *

Эх вы, сани! А кони, кони!
 Видно, черт их на землю принес.
 В залихватском степном разгоне
 Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
 В далеке, в стороне, в пустыре.
 Поддержись, моя жизнь удалая,
 Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вопрекор этой ночи,—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложишь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охалку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Всё прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и всё же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

19 сентября 1925

* * *

С нежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться —
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

20 сентября 1925

* * *

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихой болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,—
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей ни радей,—
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душою погас,—
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

24 сентября 1925

* * *

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

3 октября 1925

* * *

Нежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Всё укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

4—5 октября 1925

* * *

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Всё пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

4—5 октября 1925

* * *

Не криви улыбку, руки теребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу всё равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

4—5 октября 1925

* * *

Сочинитель бедный, это ты ли
 Сочиняешь песни о луне?
 Уж давно глаза мои остыли
 На любви, на картах и вине.

Ах, луна взлезает через раму,
 Свет такой, хоть выколи глаза...
 Ставил я на пиковую даму,
 А сыграл бубнового туза.

4—5 октября 1925

* * *

Плачет метель, как цыганская скрипка.
 Милая девушка, злая улыбка,
 Я ль не робею от синего взгляда?
 Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —
 Ты молодая, а я всё прожил.
 Юношам счастье, а мне лишь память
 Снежную ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.
 Сердце метелит твоя улыбка.

4—5 октября 1925

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми!
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

4—5 октября 1925

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

4—5 октября 1925

* * *

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне всё равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
 Я уж взволнован. Какие плечи!
 Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
 Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!
 Счастье людское землей любимо.
 Тот, кто хоть раз на земле заплачет,—
 Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
 Всѐ принимая, что есть на свете.
 Вот почему, обалдев, над рошей
 Свищет ветер, серебряный ветер.

14 октября 1925

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
 Свет луны во все концы.
 Вот опять вдруг зарыдали
 Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
 Да любимая навек,
 По которой ездил много
 Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
 Звоны мерзлые осин.
 У меня отец — крестьянин,
 Ну а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

21—22 октября 1925

* * *

Плуты мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторимо.

Не всё ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

27 октября 1925

* * *

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

Октябрь 1925

* * *

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Всё спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

1925

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За всё, в чем был и не был виноват.

1925

Песня

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубённая, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю,
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха,—
Всё равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубённая, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

* * *

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать — так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб всё время в синих дремах,
Не стыдась и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

* * *

Уеуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и всё же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

1925

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

* * *

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,—
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим всё равно
Играть в любовь недорогую.

Но всё ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и всё же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1 декабря 1925

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь,—
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

* * *

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
 Я всегда отмечен был тобой.
 На душе холодное кипенье
 И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката,
 И всё то же слышно сквозь туман,—
 За свободу в чувствах есть расплата,
 Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
 Вижу я, что мне одно и то ж —
 Чтить метель за синий цветень мая,
 Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною стало,
 И с того у многих я колен,
 Чтобы вечно счастье улыбалось,
 Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
 Милый мой, ты у меня в груди.
 Предназначенное расставанье
 Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
 Не грусти и не печаль бровей,—
 В этой жизни умирать не ново,
 Но и жить, конечно, не новей.

27 декабря 1925

ПОЭМЫ

Пугачев

Анатолию Мариенгофу

1

ПОЯВЛЕНИЕ ПУГАЧЕВА В ЯИЦКОМ ГОРОДКЕ

П у г а ч е в

О х, как устал и как болит нога!..
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.

Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.

Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабы глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

С т о р о ж

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

П у г а ч е в

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенки,
Гонится овес на водопой рысцой
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

С т о р о ж

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Петр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.
Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданию не окапишь.

Всех связали, всех вневовилили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

П у г а ч е в

Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

С т о р о ж

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?

Оттого что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

П у г а ч е в

Как Петра? Что ты сказал, старик?

. . . . .
Иль это взвыли в небе облака?

С т о р о ж

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

П у г а ч е в

Какая мысль!

С т о р о ж

О чем вздыхаешь ты?

П у г а ч е в

Я положил себе зарок молчать до срока.

Клещи рассвета в небесах

Из пасти темноты

Выдергивают звезды, словно зубы,

А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

С т о р о ж

Я мог бы предложить тебе

Тюфяк свой грубый,

Но у меня в дому всего одна кровать,

И четверо на ней спит ребятишек.

П у г а ч е в

Благодарю! Я в этом граде гость.

Дадут приют мне под любую крышей.

Прошай, старик!

С т о р о ж

Храни тебя господь!

Русь, Русь! И сколько их таких,

Как в решето просеивающих плоть,

Из края в край в твоих просторах шляется?

Чей голос их зовет,

Вложив светильником им посох в пальцы?

Идут они, идут! Зеленый славя гул,

Купая тело в ветре и в пыли,

Как будто кто сослал их всех на каторгу

Вертеть ногами

Сей шар земли.

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

2

БЕГСТВО КАЛМЫКОВ

Первый голос

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргиз.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Погянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепак.

Второй голос

Только мы, только мы лишь медлим,
Словно страшен нам захлестнувший нас шквал.
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казачьи головы с плеч.

К и р п и ч н и к о в

Внимание! Внимание! Внимание!
 Не будьте ж трусливы, как овцы,
 Сюда едут на страшное дело вас сманивать
 Траубенберг и Тамбовцев.

К а з а к и

К черту! К черту предателей!

. . . . .

Т а м б о в ц е в

Сми-ирно-о!
 Сотники казачьих отрядов,
 Готовьтесь в поход!
 Нынче ночью, как дикие звери,
 Калмыки всем скопом орд
 Изменили Российской империи
 И угнали с собой весь скот.
 Потопленную лодку месяца
 Чаган выплескивает на берег дня.
 Кто любит свое отечество,
 Тот должен слушать меня.
 Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
 Допустить сей ущерб стране:
 Россия лишилась мяса и кожи,
 Россия лишилась лучших коней.
 Так бросимтесь же в погоню
 На эту монгольскую мразь,
 Пока она всеми ладонями
 Китаю не предалась.

К и р п и ч н и к о в

Стой, атаман, довольно
 Об ветер язык чесать.

За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия — мать.
Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
Что кто-то покинул наши поля,
И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу, стрелять.
Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

Т р а у б е н б е р г

Что это значит?

К и р п и ч н и к о в

Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шеи,
Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью жить.

К а з а к и

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Т а м б о в ц е в

Казак! Вы целовали крест!
Вы клялись...

К и р п и ч н и к о в

Мы клялись, мы клялись Екатерине
 Быть оплотом степных границ,
 Защищать эти пастбища синие
 От налета разбойных птиц.
 Но скажите, скажите, скажите,
 Разве эти птицы не вы?
 Наших пашен суровых житель
 Не найдет, где прикрыть головы.

Т р а у б е н б е р г

Это измена!..
 Связать его! Связать!

К и р п и ч н и к о в

Казаки, час настал!
 Приветствую тебя, мятеж свирепый!
 Что не могли в словах сказать уста,
 Пусть пулями расскажут пистолеты.

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Г о л о с а

Смерть! Смерть тирану!

Т а м б о в ц е в

О господи! Ну что я сделал?

П е р в ы й г о л о с

Мучил, злодей, три года,
 Три года, как коршун белый,
 Ни проезда не давал, ни прохода.

Второй голос

Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.

Третий голос

Черта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его — и баста!

Кирпичников

Пусть знает, пусть слышит Москва —
На расправы ее мы взбыстрим.
Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый выстрел.
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия — пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

3

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

К а р а в а е в

Тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волон
Льется с туч на поля и деревни.

Скверный дождь!
Экий скверный дождь!

Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы,
Плавя ребер медь.
Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломает на щепняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь!

О осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогоду собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.
Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выданных стран.
С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое тили-ли-день,
Быть может, здесь мы больше не услышим!

Но что там? Кажется, шаги?
Шаги... Шаги...
Эй, кто идет? Кто там идет?

Пугачев
Свой... свой...

Каравеев
Кто свой?

Пугачев
Я, Емельян.

Каравеев

А, Емельян, Емельян, Емельян!
Что нового в этом мире, Емельян?
Как тебе нравится этот дождь?

Пугачев

Этот дождь на счастье богом дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю ночь.

Каравеев

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян.
Славный дождь! Замечательный дождь!

Пугачев

Нынче вечером, в темноте скрываясь,
Я правительственные посты осмотрел.
Все часовые попрятались, как зайцы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б наши ножи,
Всех бы солдат без единого выстрела
В сонном Яике мы могли уложить...

Завтра ж к утру будет ясная погода,
Сивым табуном проскачет хмарь.
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь!
Я умею, на сутки и версты не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается зверенышем теплым душа.

Мне нравится запах травы, холодом подоженной,
И сентябрьского листоleta протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.
.
.
.
.
.
.
.
.
Я значенье мое разгадал...

К а р а в а е в

Тебе ж недаром верят!

П у г а ч е в

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой —
Тот медведь, тот лиса, та волчица,
А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

К а р а в а е в

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян...
 И если б они у нас были,
 То московские полки
 Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
 Они б побоялись нас жать
 И карать так легко и просто
 За то, что в чаду мятежа
 Убили мы двух прохвостов.

П у г а ч е в

Бедные, бедные мятежники!
 Вы цвели и шумели, как рожь.
 Ваши головы колосьями нежными
 Раскачивал июльский дождь.
 Вы улыбались тварям...

. . . . .

Послушай, да ведь это ж позор,
 Чтоб мы этим поганым харям
 Не смогли отомстить до сих пор?
 Разве это когда прощается,
 Чтоб с престола какая-то б...
 Протягивала солдат, как пальцы,
 Непокорную чернь умерщвлять!
 Нет, не могу, не могу!
 К черту султана с туретчиной,
 Только на радость врагу
 Этот побег опрометчивый.
 Нужно остаться здесь!
 Нужно остаться, остаться,
 Чтобы вскипела месть
 Золотую пургой акаций,

Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!

Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

4

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ТАЛОВОМ УМЕТЕ

Оболяев

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

Пугачев

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего
страшного.

Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада барашковые.
Мокрою цаплей по лужам полей бороздя,
Ветер заставил всё живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,
И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит кому-то о погибели веще.

. . . . .

Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

Караваев

Да, да! Мы придумали кой-что похлеще.

П у г а ч е в

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на короточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.

От песков Джигильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.
Эта тень с веревкой на шее безмясой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясывая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

О б о л я е в

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?

П у г а ч е в

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

К а р а в а е в

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

П у г а ч е в

Разве важно, разве важно, разве важно,
 Что мертвые не встают из могил?
 Но зато кой-где почву безвлажную
 Этот слух словно плугом взрыл.
 Уже слышится благовест бунтов,
 Рев крестьян оглашает зенит,
 И кустов деревянный табун
 Безлиственной ковкой звенит.
 Что ей Петр? — Злой и дикой ораве? —
 Только камень желанного случая,
 Чтобы колья погромные правили
 Над теми, кто грабил и мучил.
 Каждый платит за лепту лептою,
 Мечь щенками кровавыми щенится.
 Кто же скажет, что это свирепствуют
 Бродяги и отщепенцы?
 Это буйствуют россияне!
 Я ж хочу научить их под хохот сабель
 Обтянуть тот зловещий скелет парусами
 И пустить его по безводным степям,
 Как корабль.
 А за ним
 По курганам синим
 Мы живых голов двинем бурливый флот.

. . . . .
 . . . . .

Послушайте! Для всех отныне
 Я — император Петр!

К а з а к и

Как император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачев

Ха-ха-ха!

Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлевать в черный срок.
Я страшать мертвецом вас не стану,
Но должны ж вы, должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и матом,
Кто без сабли — так бей кирпичом!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

Пугачев

Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...

Каравеев

Да, да, не Емельян, а Петр...

П у г а ч е в

Братья, братья, ведь каждый зверь
 Любит шкуру свою и имя...
 Тяжко, тяжело моей голове
 Опушать себя чуждым инеем.
 Трудно сердцу светильником мести
 Освещать корявые чащи.
 Знайте, в мертвое имя влезть —
 То же, что в гроб смердящий.

Больно, больно мне быть Петром,
 Когда кровь и душа Емельянова.
 Человек в этом мире не бревенчатый дом,
 Не всегда перестроишь наново...
 Но... к черту всё это, к черту!
 Прочь жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого
 Мы устроить должны набег.

5

УРАЛЬСКИЙ КАТОРЖНИК

Х л о п у ш а

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
 Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
 Проведите, проведите меня к нему,
 Я хочу видеть этого человека.
 Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
 Тучи с севера сыпались каменной грудой.
 Слава ему! Пусть он даже не Петр!
 Чернь его любит за буйство и удаль.
 Я три дня и три ночи блуждал по тропам,

Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы терний.
Заковали в колодки и вырвали ноздри
Сыну крестьянина Тверской губернии.
Десять лет —
Понимаешь ли ты, десять лет? —
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось мне жить?
Что жестокостью сердце устало хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Всё равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари желтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми руками...
Вдруг... три ночи назад... губернатор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру...
«Слушай, каторжник!
(Так он сказал.)
Лишь тебе одному поверю я.
Там в ковыльных просторах ревет гроза,
От которой дрожит вся империя,
Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,
И дворянские головы сечет топор —
Как березовые купола
В лесной обители.
Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?
(Так он сказал, так он сказал мне.)
Вот за эту услугу ты свободу найдешь
И в карманах зазвякает серебро, а не камни.»

Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,
Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.
Проведите ж, проведите меня к нему.
Я хочу видеть этого человека!

З а р у б и н

Станный гость.

П о д у р о в

Подозрительный гость.

З а р у б и н

Как мы можем тебе довериться?

П о д у р о в

Их немало, немало, за червонцев горсть
Готовых пронзить его сердце.

Х л о п у ш а

Ха-ха-ха!

Это очень неглупо.

Вы надежный и крепкий щит.

Только весь я до самого пупа —

Местью вскормленный бунтовщик.

Каплет гноем смола прогорклая

Из разодранных ребер изб.

Завтра ж ночью я выбегу волком

Человеческое мясо грызть.

Всё равно ведь, всё равно ведь, всё равно ведь,

Не сожрешь — так сожрут тебя ж.

Нужно вечно держать наготове

Эти руки для драки и краж.

Верьте мне!

Я пришел к вам как друг.

Сердце радо в пурге расколоться
Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.

З а р у б и н

Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.

П о д у р о в

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой
Командиром над нашей конницей.

Х л о п у ш а

Нет!

Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные звери,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь всё ж у вас нет артиллерии?
Но ведь всё ж у вас пороху нет?

Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откладывая,
Всех крестьян в том краю взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,
Гнев рабов — не кобылий фырк...

Так давайте ж по липовой меди
Трахнем вместе к границам Уфы.

6

В СТАНЕ ЗАРУБИНА

З а р у б и н

Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава!
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь — и след простыл.
Месяц, желтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз — стога?..

Слушай, люд честной, слушай, слушай
Свой кочевнический пересвист!
Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско выставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и пристани.

Ш и г а е в

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слышал,
Это видел не я...

Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже камня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По сту раз на лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.

Г о р н о в

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

З а р у б и н

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Ш и г а е в

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!
Наша кровь — не башкирские хляби.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя на носу,
Сколько пуль в наши спины вцарапали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С заливатской тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?

Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутовищем.

З а р у б и н

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружию под каждой оконницей.
Знаю я, нынче ночью идет на Казань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва дыша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черемшан
С артиллерией тыщи телег.
Как торжественно с хрипом колесным обоз
По дорожным камням грохотал.
Рев верблюдов сливался с бляением коз
И с гортанною речью татар.

Т о р н о в

Что ж, мы верим, мы верим,
Быть может,
Как ты мыслишь, всё так и есть;
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай бог!
Дай бог, чтоб так и случилось.

З а р у б и н

Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а неожиданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот вззвенел, словно сабли о панцири,

Синий сумрак над ширью равнин,
Даже рощи —
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.
Зреет, зреет веселая сеча.
Взвоят в небо кровавый туман.
Гудом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска, —
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.

7

ВЕТЕР КАЧАЕТ РОЖЬ

Ч у м а к о в

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари
лакать.

О, эта ночь! Как могильные плиты,
По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь — то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.

Даже дождь так не смог бы траву иль солому высечь,
 Как осыпали саблями головы наши они.
 Что это? Как это? Куда мы бежим?
 Сколько здесь нас в живых осталось?
 От горящих деревень бьющий лапами в небо дым
 Расстиляет по земле наш позор и усталость.
 Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
 Где кружит воронье беспокойным, зловещим
свадьбищем,
 Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
 Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище!

Б у р н о в

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав!
 Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.
 Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркатся
по золоту трав
 И сшибать черных галок с крестов голубых колоколен.
 Всё, что отдал я за свободу черни,
 Я хотел бы вернуть и поверить снова,
 Что вот эту луну,
 Как керосиновую лампу в час вечерний,
 Зажигает фонарщик из города Тамбова.
 Я хотел бы поверить, что эти звезды — не звезды,
 Что это — желтые бабочки, летящие на лунное пламя...
 Друг!..
 Зачем же мне в душу ты ропотом слезным
 Бросаешь, как в стекла часовни, камнем?

Ч у м а к о в

Что жалеть тебе смрадную холодную душу —
 Околевшего медвежонка в тесной берлоге?
 Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали Хлопушу?
 Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?

Наше войско разбито вконец Михельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как кленовые листья,
грязью?
Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?
Посмотри! Там опять, там опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые птицы.

Б у р н о в

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,
Подставлять ладони, как белые скользкие блюда.
Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благословенны
Рощи, потоки, степи и зеленыя.
Слушай, плевать мне на всю вселенную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы видеть, как мыши от радости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют
в колодце.
Яблоневым цветом брызжется душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради бога, научите меня,

Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечесем саду!

Т в о р о г о в

Стойте! Стойте!

Если б знал я, что вы не трусливы,
То могли б мы спастись без труда.

Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.

Не пугайтесь!

Не пугайтесь жестокого плана.

Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей,
Я хочу предложить вам:

Связать на заре Емельяна

И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

Ч у м а к о в

Как, Емельяна?

Б у р н о в

Нет! Нет! Нет!

Т в о р о г о в

Хе-хе-хе!

Вы глупее, чем лошади!

Я уверен, что завтра ж,

Лишь золотом плюнет рассвет,

Вас развезят солдаты, как туш, на какой-нибудь

площади,

И дурак тот, дурак, кто жалеть будет вас,

Оттого что сами себе вы придумали тернии.

Только раз ведь живем мы, только раз!

Только раз светит юность, как месяц в родной губернии.

Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,
Там в окно твое тополь стучится багряными листьями,
Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрьской
поре,
Что изранила его осень холодными меткими выстрелами.
Как же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь
Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,
Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.
Но уж старые листья на нем не взойдут никогда —
Их растащит зверье и потопчут прохожие.

Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в Азию?
Что, набравши кочевников, может снова удариться в бой?
Всё равно ведь и новые листья падут и покроются грязью.
Слушай, слушай, мы старые листья с тобой!
Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?
Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться,
Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,
Чем глаза твои выключают черные хищные птицы.
Тот, кто хочет за мной, — в добрый час!
Нам башка Емельяна — как челн
Потопающим в дикой реке...

Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз славит юность, как парус, луну вдалеке.

8

КОНЕЦ ПУГАЧЕВА

Пу г а ч е в

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищею кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такую дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманной вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

К р я м и н

О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ты всё такой же сумасбродный, слепой и вкрадчивый;
Расплескалась удаль твоя по полям,
Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бегство?
Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам добычей женщин.
Ей всегда был приятней набег и разбой,
Чем суровые походы с житейской хмурью.

Нет, мы больше не можем идти за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий, ни в Гурьев.

П у г а ч е в

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за всё, что я выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы возрастали в степных станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить смириться.
Вы должны разжигать еще больше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших стран дул...

Смело ж к Каспию! Смело за мной!
Эй вы, сотники, слушать команду!

Крямин

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасбродство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь, как толпы других, по погостам.
Есть у сердца невзгоды и тайный страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за жизнь,
Что прочнее канатов и проволок...
Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
Всё равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал...

Пугачев

Как? Измена?

Измена?

Ха-ха-ха!..

Ну так что ж!

Получай же награду свою, собака!

(Стреляет.)

Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли.
Пугачев, отмахиваясь кинжалом, пытается к стене.

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

Бейте! Бейте прямо саблей в морду!

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти...

Второй голос

Ташите его за бороду...

Пугачев

...Дорогие мои... Хор-рошие...

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

Кто так страшно визжит и хохочет

В придорожную грязь и сырость?

Кто хихикает там исподтишка,

Злобно отплеываясь от солнца?

.....

...Ах, это осень!

Это осень вытряхивает из мешка

Чеканенные сентябрем червонцы.

Да! Погиб я!

Приходит час...

Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...

...Это она!

Это она подкупила вас,

Злая и подлая оборванная старуха.

Это она, она, она,

Разметав свои волосы зарею зыбкой,

Хочет, чтоб сгибла родная страна

Под ее невеселой холодной улыбкой.

Творогов

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?

Вяжите!

Чай, не выбьет стены головою.

Слава богу! конец его зверской резне,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени медь,
Мак зари черпаками ветров не выхлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правительства.

П у г а ч е в

Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?
Хочешь встать — и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкою гарью с сухих перелесниц.
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
И всё дальше, всё дальше, встревоживши сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Март — август 1921

Песнь о великом походе

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая,
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй — про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.

Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

*

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие,—
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

*

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косец.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю,
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»

*

По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю во двор.
Выходил тут царь
С высока крыльца,
Мах-дубинкою
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
— «Не гонец я, царь,

Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
— «Ну,— сказал тут Петр,—
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак...
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.

У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу — мочало.
Это только, ребята,
Начало.

*

Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух
Ведро пива пьет.
Курит — дым идет
На три сажени,

Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возговорит наш царь
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты:
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.

Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични
Загашай огни.
Говорят слова:
„Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумей помри.
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом —
Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд“».

Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

*

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший,
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай.

*

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплавав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня
Да на двести лет

Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

*

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

*

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.
Офицерика
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
Ни за Троцкого,
Ни за Ленина,
За донского казака,
За Каледина.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

*

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.

А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

*

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни резанами,
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

*

Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:

«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротись».

*

От одной беды
Целых три растут,—
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича».
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят —
Ой ты, бедный люд,
Ой ты, Питер-град!

*

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева.

Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на этот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож.
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костями полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад».

*

А за синим Доном,
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

*

Ой ты, атамане!
Не вожак, а сотский.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий!
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

*

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в нить она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девочек лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!

Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместия.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!»

*

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покосены.
И примят овес,
И прибита рожь.
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

*

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

*

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней. Не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг проломит всё,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Всё сильнее, сильнее
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней...
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!»
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

*

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от стона, и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-пóлевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить.
У Деникина
Аж живот болит.

*

Эх, песня,
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

*

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

*

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,

За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

*

В красном стане храп,
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

*

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,

Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На,— сказал он мне,—
Дома нет сапог,
Передай жене».

*

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За ложиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

*

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд».

*

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

Июль 1924

Анна Снегина

А. Воронскому

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но всё же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но — грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягót.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Кriuши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.

С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

*

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но всё же не взял я шпагу...

Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

*

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово,—
Промолвил возница,—
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чайшко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

. . . . .
Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штукек шесть —

Я вылью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

*

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво-чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объяття мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но всё же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»
— «На год».
— «Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

. . . . .
. . . . .

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.

По-старому с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом.

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Состарившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет,

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие, милые были.

Тот образ во мне не угас...

Мы все в эти годы любили,

Но мало любили нас.

2

«Ну что же! Вставай, Сергуша!

Еще и заря не текла,

Старуха за милую душу

Оладьев тебе напекла.

Я сам-то сейчас уеду

К помещице Снегиной...

Ей

Вчера настрелял я к обеду

Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!

Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят ещё!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.
Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала...»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной всё зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А всё это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»
Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

*

Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!

Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглошу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудака.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
— Не тот ли, поэт?
— Ну, да,— говорю,— он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!
— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот..
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».
И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленыя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

*

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
— «Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.

Но всё ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...

Скажи:

Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.

Дрожали, качались ступени,
Но помню

Под звон головы:

«Скажи,

Кто такое Ленин?»

Я тихо ответил:

«Он — Вы».

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.
. . . . .
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...

Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забывать молодой офицер...»

*

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству — цыганская грусть».
— «Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.

Скажите,
Что с вами случилось?»
— «Не знаю».
— «Кому же знать?»
— «Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
— «Шутник вы...»
— «Вы тоже, Анна».
— «Кого-нибудь любите?»
— «Нет».
— «Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

. . . . .

Луна хохотала, как клоун.
И, в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

*

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.

Устроил волюнку, бездельник,
И бегаёт как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».

Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин сидит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищальный народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз — и квас!
Даешь, мол, твои угодыя
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
— «Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть —
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.

Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай — не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога.
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!..—
Повторял он глухо.—
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня

Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы — жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Всё лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник всю улыбаётся,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз — и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!

Я первый сейчас же коммуны
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он.—
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозя рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран.
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:

«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»

. . . . .
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но всё ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
«Даешь! Разберем потом!»
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

. . . . .
Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —
Она говорила:
«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...

Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую был...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутыл...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продолжать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

. . . . .
«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...»

. . . . .
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

5

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слышали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в даях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон,—
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.

Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.

Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно,
Довольно стонув!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет!
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...
Дуровая зыкъ она.
Хошь верь, хошь не верь ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрязнул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой — околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.
Тогда вот и чикнули Проню,
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить».
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты всё ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

*

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.

Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай! Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!

... .
И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам».
— «Подарок?»
— «Нет...
Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далёко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов всё пристальной
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

. . . . .

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Январь 1925

Батум

Черный человек

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шею ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.
Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге

И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

«Слушай, слушай,—
Бормочет он мне,—
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье,— говорил он,—
Есть ловкость ума и рук,
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор,
И глаза покрываются
Голубой блевотой,—
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

. . . . .

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам всё ближе
И ближе клонится.—
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мируку?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,—
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

. . . . .
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою,
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

14 ноября 1925

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни С. Есенина были выпущены следующие книги и собрания его стихов: Радуница. Пг., 1916 (2-е изд.: М., 1918; 3-е изд.: М., 1921); Голубень. Спб., 1918 (2-е изд.: М., 1920); Преображение. М., 1918 (2-е изд.: М., 1921); Третьякница. М., 1920 (2-е изд.: М., 1921); Исповедь хулигана. [б. м.], 1921; Избранное. М., 1922; Собрание стихов и поэм. Берлин; Петербург; Москва, 1922. Т. I; Стихи скандалиста. Берлин, 1923; Москва кабацкая. Л., 1924; Стихи (1920—1924). М.; Л., 1924; Русь Советская. Баку, 1925; Страна Советская. Тифлис, 1925; О России и революции: Стихотворения и поэмы. М., 1925; Березовый ситец. М., 1925; Избранные стихи. М., 1925; Персидские мотивы. М., 1925. Кроме того, отдельными изданиями были напечатаны поэмы: Исус-младенец. Пг., 1918 (2-е изд.: Чита, 1921); Сельский часослов. М., 1918; Триптих: Поэмы. Берлин, 1920; Пугачев. М., 1921 (2-е изд.: Пг., 1922; 3-е изд.: Берлин, 1922).

Летом 1925 года Есенин заключил с Госиздатом договор на трехтомное собрание произведений. К этому изданию поэт шел долго, как к итоговому. В первый том он включил стихотворения, во второй — «маленькие поэмы», в третий — «большие поэмы». Под «мелкими», или «маленькими», поэмами Есенин имел в виду «Русь», «Отчарь», «Сорокоуст», «Возвращение на родину» и другие. Издание вышло уже после смерти поэта в 1926—1927 гг. Три тома были подготовлены самим Есениным, а четвертый, дополнительный, составлен издательством.

Со временем в издательской практике закрепились, ставшая традиционной, компоновка произведений Есенина только

по двум разделам: стихотворения и поэмы. В настоящем сборнике принято традиционное расположение материала.

Тексты печатаются по изданию: Стихотворения и поэмы. Л., 1986 («Б-ка поэта», БС). Поэма «Песнь о великом походе» с восполненными купюрами ст. 240—243, 312—315, 324—331, 344—351 печатается по трехтомнику поэта.

Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке. Исключением является лишь цикл «Персидские мотивы», стихотворения которого помещены в той последовательности, какая была установлена для них Есениным.

Определенную сложность представляет датировка произведений. Как в рукописях, так и в публикациях поэт, за редким исключением, не указывал даты написания. При подготовке им трехтомника в наборном экземпляре даты ставились зачастую по памяти, и ошибочность многих из них впоследствии была документально доказана. Поэтому в спорных случаях приняты за основу даты первых прижизненных публикаций (они заключены в угловые скобки). Значительная часть датировок заимствована из наиболее полного шеститомного Собрания сочинений (М., 1977—1980), а также из названного выше издания Большой серии «Библиотеки поэта».

СТИХОТВОРЕНИЯ

Подражанье песне. Кадильный канон — церковный обряд курения благовоний во время богослужений; канон — здесь: обрядовое правило, узаконенное церковью.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» *Кистень* — старинное боевое оружие, состоящее из короткой палки, к одному концу которой прикреплен на ремне (цепи) металлический шар или гиря.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» *Тальяночка* (искаж. «итальянка») — гармонь. *Малиновы меха*. Малиновый — здесь: окраска мехов гармони, а также сочность тембра. *Прибаска* — частушка, прибаутка.

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» *Купальница* — день святой Агриппины (Аграфены), 23 июня ст. ст.,

канун дня Ивана Купалы. По народным поверьям, в ночь с 23 на 24 июня собирались на шабаш ведьмы, расцветал папоротник, указывая на зарытые клады; травы приобретали целебную и волшебную силу, начиналось купание в водоемах. *С подтыками* — с подоткнутой одеждой. *Купырь* — травянистое растение, распространенное в Рязанской обл. *Не дознамо печени судорога схватила* — т. е. не от печени судорога схватила. *Сутемень* — сумерки, темнота. *Просинь* — проступающая между облаками или в тумане часть синего неба.

«Зашумели над затоном тростники...» *Семик* — древнерусский праздник приходился на седьмую неделю после Пасхи, в четверг. В этот день собирались девушки, завивали венки и для гадания бросали их в воду: чей венок первым прибьется к берегу, та рано выйдет замуж; чей начинает качаться на одном месте, той сидеть в девках; а чей потонет, той девушке или ее суженому суждено скоро умереть. *Лесной* — леший. *Ладан* — ароматическая смола для окуривания при религиозных богослужениях.

В хате. *Драчены* — пышные блины из пшена или пшенной муки, смешанной с яйцами и молоком. *Дежка* — кадка, в которой квасят и месят тесто. *Печурка* — ямка в передней стенке (зеркале) печи, куда кладут разные вещи для просушки и согревания. *Попелицы* — пепел, зола. *Ухват* — длинная палка с металлической рогаткой; ухватом ставят в русскую печь горшки, чугуны. *Махотка* — глиняный кувшин без ручки для молока.

«Край любимый! Сердцу снятся...» *Лонный* — здесь: глубинный. *Переметка* — жерди или хворостины для крепления скирд и соломенных крыш. *Кашка* — клевер. *Небесное коромысло* — здесь: небосклон.

Русь. 1. *Погорающий* — исчезающий, облетающий. *Застреха* — намет соломы у карниза, свес кровли. **2.** *Тальянка* — см. с. 420. **3.** *Сотский* — низший чин полицейского надзирателя, выбиравшийся крестьянами из своей среды. *Ополченцам идти на войну*. Имеется в виду первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. *Загыгыкали* — заголосили. **4.** *Ладан* — см. выше. *Бластились* — мерещились, казались. *Четница* — чтица.

«Пойду в скуфье смиренным иноком...» *Скуфья* — головное покрывало, даваемое священнослужителям в награду, для совершения таинств или служб на открытом воздухе. *Кольца личных прясел* — звенья изгороди в длину жерди от кола до кола, обматывались для скрепления лыком.

«Я — пастух, мои палаты...» *Гарк* — резкий, гортанный крик. *Сутёмы* — см. с. 421. *Кивливый* — кивающий.

«Черная, потом пропахшая выть...» *Выть* — участок земли; название 50—60 дворов, которым выделялась земля для пахоты и покоса. *Веретье* — возвышенная, сухая непоименная гряда среди болот или вблизи берега. *Таган* — железный обруч на ножках, под которым разводят огонь для приготовления пищи. *Кукан* — здесь: островок, отмель на реке. В родном селе Есенина Константинове так называли вполне определенный островок за селом — место встреч влюбленных.

«Гой ты, Русь моя родная...» *Спас* — Спаситель, т. е. Иисус Христос; здесь: праздник второго Спаса (6 августа ст. ст.), во время которого освящали и ели яблоки и мед; Спас — также икона с изображением Христа. *Корогод* — хоровод. *Леха* — луговые или полевые полосы, гряды.

«Сторона ль моя, сторонка...» *Посолонка* — тощая, дающая малый урожай земля; солончак. *Забольная* — горькая, обиженная. *Подожок* — палочка, трость. *Спас* — см. выше.

«Край ты мой заброшенный...» *Прутник* — мелкий ивняк, лозняк.

«Топи да болота...» *Ракита* — название некоторых растений и кустарников, преимущественно ивовых.

Осень. *Иванов* Разумник Васильевич (1878—1946) — литературный критик, публицист, социолог, выступал под псевдонимом: Р. В. Иванов-Разумник; после Октябрьской революции примыкал к левым эсерам и выступал в их изданиях как литератор. В 1920-е гг. обозначились два основных направления в его историко-литературной деятельности: творчество Салтыкова-Щедрина и Блока. В 1930-е гг. необосно-

ванно подвергался репрессиям. Живший в 1941 г. в Пушкине, он оказался в зоне немецкой оккупации и был интернирован в Германию, где и скончался. Есенин познакомился с ним в 1915 г.; в 1917—1922 гг. печатался в ряде изданий, которые редактировал Иванов-Разумник. *Схимник* — монах, принявший схиму, т. е. высшую ступень монашества в православной церкви, требующую от посвященного в схиму выполнения суровых аскетических правил. *Язвы красные незримому Христу* — так называемые стигматы, раны от гвоздей на теле распятого на кресте Иисуса.

«На плетнях висят баранки...» *Дранки* — сосновые дощечки для кровли, обычно струганные, поблескивающие свежей желтизной. *Лещужная* — лещугой в Константинове называют траву, растущую на заболоченных и сырых местах. К осени лещуга высыхает и чернеет, становясь похожей цветом на сурьму. *На пыжну* — через мелколесье. *Запевай, как Стенька Разин Утопил свою княжну*. Имеется в виду народная песня «Из-за острова на стрежень...» (1883), возникшая в результате переработки ст-ния «Песня» Д. Н. Садовникова.

«Туча кружево в роще связала...» *Наумяк* — наобум.

«За темной прядью перелесиц...» *Перелесица* — узкая полоска леса, соединяющая два леска. *Полымя* — пламя. *Треба* — отправление таинств или священного обряда по просьбе верующих.

Корова. *Свей* — здесь: полова, мякина; волнистая рябь, образуемая ветром.

«В том краю, где желтая крапива...» *Свей* — см. предыдущее ст-ние.

Голубень. *Волноватая* — волнистая. *Разымчивость* — от «разымчивый»: опьяняющий, волнующий. *Божница* — здесь: полка с иконами.

«Даль подернулась туманом...» *Кукан* — см. с. 422.

Лисица. *Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель, глубокий знаток русской старины, мифов, апокри-

фов, сказок, прекрасно владевший образным русским языком. В 1915 г. в Петрограде со слов Есенина записал несколько сказок, которые включил в свою книгу «Николины притчи» (1917). *Прошва* — узкая полоска, прошивка. *Бластился* — см. с. 421. *Желна* — большой черный дятел. *Ощур* — оскал зубов.

«За горами, за желтыми долами...» *Полымя* — пламя. *Ектенья* — в православной церкви молитва, содержащая просьбы, обращение к богу.

«Не бродить, не мять в кустах багряных...» Близкий друг Есенина Николай Вержбицкий (1889—1973), вспоминая о своих встречах с поэтом в Тифлисе, отмечал требовательность Есенина к форме: «Раз я застал его в подавленном состоянии. Он никак не мог простить себе плохой перенос в строках:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа...

— «Лебеда», — говорил он, — должна была войти в первую строку, обязательно! Но я поленился... Ведь главное во фразе — «бродить». Второстепенное — «бродя, мять лебеду». И потом уже объяснение — зачем я это сделал? «Искал след»... В общем надо переделать всю строфу!..» (Вержбицкий Н. Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси, 1961. С. 97—98).

«Опять раскинулся узорно...» *Багрянец* — красный, багряный цвет. *Полымя* — пламя. *Послушник* — здесь: прислужник в монастыре.

«О красном вечере задумалась дорога...» *Поветь* — крыша над двором, обычно соломенная; навес. *Хмарь* — туча, мгла, густой туман.

«О товарищах веселых...» *Парагуш* — дымка, туман над водой. *Пожня* — покос, травяное место. *Лития* — молитвенное священнодействие, совершаемое вне храма или в притворе его в праздничные дни и в субботы. *Ладан* — см. с. 421.

«**Покраснела рябина...**» *Вой* — воин. *Вольга* Святославович — персонаж русских былин, князь-дружинник. *Спас* — см. с. 422. *Дрожди* — дрожжи.

«**Заметает пурга...**» *Коляда* — старинный обряд хождения по домам в Рождество и Новый год с песнями, рассказывающими о коляде, рождении Иисуса Христа и сопровождаемыми поздравлениями и пожеланиями хозяину урожая и счастливого брака с хозяйкой.

«**О Русь, взмахни крылами...**» Алексея Васильевича *Кольцова* (1809—1842) Есенин считал первым поэтом крестьянской Руси. *Клюев* Николай Алексеевич (1884—1937) — поэт, певец природы и деревенского быта Прионежья, глубокий знаток крестьянской культуры и народной поэзии. Более десяти лет длилась дружба-вражда двух поэтов. Клюев оказал большое, но непродолжительное влияние на Есенина, резко осуждавшего в Клюеве пристрастие к архаическим образам и исключительное преклонение перед старинной. *Чапыгин* Алексей Павлович (1870—1937) — писатель, запечатлевший в раннем творчестве природу и уклад северной русской деревни, автор исторических романов: «Разин Степан» и «Гулящие люди». Есенин читал это стихотворение на открытии памятника Кольцову в Москве 3 ноября 1918 г.

«**Проплясал, проплакал дождь весенний...**» *Осаднило* — здесь: остановило. *Навсегда твои пригвождены ко древу Красные уста*. Намек на распятие на кресте Иисуса Христа. *Пилат* Понтий — римский прокуратор (наместник) провинции Иудея с 26 по 36 г. н. э., по Евангелию, сознавал невиновность Христа, но согласился на его казнь, умыв, в соответствии с обычаем, руки. Имя Пилата — символ равнодушного отношения к человеческим страданиям. *Или, Или, лама савахфани* — т. е. Боже мой, Боже мой! для чего ты меня оставил? (Еванг. от Матф. XXVII, 46) — слова, произнесенные Христом перед смертью.

Певущий зов. *Купель* — сосуд, в который погружают ребенка при христианском обряде крещения. *Остановившие На востоке Луну и солнце*. Намек на эпизод из Ветхого завета (Книга Иисуса Навина, X, 12—13), когда Иисус Навин, чтобы одержать победу над врагами, остановил

солнце. *Ясли* — здесь: кормушка для скота в виде решетки, прикрепляемой к стене; в яслях, по Евангелию, родился Христос. *Назарет* — город в Галилее (Палестина). В нем, по Евангелию, прошло детство и отрочество Христа. *Новый Назарет*. В контексте ст-ния город Назарет как бы вновь становится провозвестником новой эры, нового учения. *Юдо* — сказочное чудовище (от чудо-юдо). *Фавор* — гора вблизи Назарета. По Евангелию, апостолы (ученики) Иоанн, Петр и Иаков стали свидетелями Преображения Господня. *Она загорелась, Звезда Востока*. Рождение Христа сопровождалось появлением на небе звезды, которая указала волхвам (мудрецам, кудесникам) место нахождения младенца. *Не погасить ее Ироду Кровью младенцев*. По Евангелию, Ирод, царь Иудеи, узнав от волхов, что в Вифлееме должен родиться царь иудейский, желая сохранить свою власть, велел умертвить всех вифлеемских младенцев. *Саломея* — племянница Ирода, во время празднования его дня рождения угодила ему своею пляской. В награду за это, по совету матери, попросила голову Иоанна Крестителя — предтечи Христа. Ирод, давший слово исполнить любую просьбу Саломеи, велел казнить Иоанна. *Содом* — город у Мертвого моря, на жителей которого, как рассказывается в Ветхом завете, за развращенность и жестокость нравов пал гнев божий, в результате чего город был испепелен.

Отчарь. *Отчарь* — новообразование Есенина, по всей вероятности, от слова «отчарованный», т. е. отчаянный, разбойный, пошедший на крайний шаг во имя свободы, скинувший бремя неволи российский крестьянин. 2. *Февральской метелью*. Намек на Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г. *Куделят кремник* — высекают огонь из кремня; «куделят» — от слова «кудель» — моток льна или пеньки, приготовленный для пряжи. *Седой огневик* — бог грозы у древних славян. *Ятаг* — ятаган, большой кривой турецкий нож, заточенный с одной стороны. *Аника* — Аника-воин, герой многочисленных народных сказок и лубочных картинок, который гордился своею силой и храбростью, но, встретив Смерть, испугался ее и был побежден. *Двуперстный крестом* — т. е. старообрядческим знаменем. 3. *Корузлые* — заскорузлые, огрубевшие. *Поём* — пойма, место, заливаемое вешней водой. 4. *Славен волховский звон*. Намек на много-

численность храмов древнего Новгорода, стоящего на берегах р. Волхов. *Буслаев разгул*. Буслаев Василий — герой новгородских былин, предводитель новгородской вольницы. *Синегубый Урал Выставляет клыки*. Речь идет о массовом крестьянском движении, охватившем весь Урал весной 1917 г., когда стали повсеместно возникать крестьянские комитеты, осуществлявшие организованный захват помещичьих земель, лесов и угодий (см.: «Великая Октябрьская социалистическая революция»: Энциклопедия: 3-е изд. доп. М., 1987. С. 542). *Соловки* — Соловецкие острова, наиболее значительный из них Соловецкий. В XV в. на этом острове был основан один из крупнейших монастырей России, явившийся центром христианизации на Севере. С конца XVI и до начала XX в. был также местом ссылки противников самодержавия и официального православия. 5. *И рыжий Иуда Целует Христа*. Предав своего учителя, Иуда привел стражу в Гефсиманский сад, где находился Иисус, подошел к нему и поцеловал его, так как было условлено, что того, кого он поцелует, нужно взять. Выражение «Иудин поцелуй» означает предательский поступок, лицемерно прикрытый проявлением любви и дружбы. *Цепь Акатуя*. Имеется в виду Акатуйская тюрьма при руднике в Забайкалье, считавшаяся одной из самых строгих тюрем, куда ссылались на каторжные работы политические заключенные. *Там дряхлое время* и т. д. до ст. *Обносит их круг*. Эти строфы перекликаются со словами из есенинского трактата «Ключи Марии»: «...где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой» (Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1977—1980. Т. 5, 1979. С. 181). *Сыченая брага* — подслащенная, обычно медом.

Преображение. Разумник *Иванов* — см. с. 422. 1. *Дажь мне днешь* (церк.-слав.): Дай мне сегодня. Неточная цитата из «Молитвы Господней» в Евангелии (Матф. VI, 11). *Содом* — см. с. 426. *Егудиил*, Иегудиил — архангел, славящий бога, укрепляющий веру христиан и ходатайствующий перед богом о воздаянии им за подвиги веры. На иконах Иегудиил изображается в соответствии с родом его служения: в правой руке держит золотой венец, а в левой — бич из красных ремней. *Лот* — житель города Содомы (см. с. 426). Город Содом подвергся небесной каре, но Лоту удалось спастись. Для этого, выйдя из ворот, он, согласно запрету бога, не должен

был оглядываться назад. Жену Лота, нарушившую этот за-
прет, бог превратил в соляной столб. **2. Осенница** — холодная,
дождливая погода. **3. Омеж** — сошник, лемех. **4. Зиждитель** —
творец, создатель.

«О муза, друг мой гибкий...» *Разумниковский лик.* Об
Иванове-Разумнике см. с. 422. *Клюев* — см. с. 425.

«Не напрасно дули ветры...» *Млечность* — свет Млечного
Пути.

«Небо ли такое белое...» *Умба* — порт на Белом море.
Соловки — см. с. 427. *Ракита* — см. с. 422.

Инония. *Инония* — очевидно, новообразование Есенина
от слова «ино» (т. е. ладно), утопический город счастья,
возрожденная Русь. *Пророк Иеремия* — ветхозаветный про-
рок; обличал соплеменников за грехи и предсказывал им воз-
мездие. Когда Иудея была завоевана Вавилонией, а большая
часть населения уведена в плен, пророк оплакал это несчастье
(книга «Плач Иеремии», «Послание»). **1. Твердь** —
здесь: небесный свод. **2. Млечный... покров** — Млечный Путь.
Китеж — по народной легенде, город, скрывшийся под водой
во время нашествия Батыя на Русь. На месте его образова-
лось озеро Светлояр. Избранные слышат колокольный звон
исчезнувшего города. Для Есенина в этот период Китеж
стал символом патриархальной Руси. Козьма (правильно:
Косма) *Индикоплов* (Индикоплевст — плаватель в Ин-
дию) — византийский купец, монах, автор книги «Христиан-
ская топография» (ок. 547), в которой он опровергал учение
Птолемея о шарообразности Земли и, основываясь на Библии,
излагал свое представление о строении Вселенной. *Часо-
слов* — книга, содержащая в себе тексты некоторых церков-
ных служб-часов. *Радонеж* — город, близ которого в XIII в.
возник крупный русский монастырь Троице-Сергиевой лавры.
В есенинском контексте этим словом назван основатель
Троице-Сергиевой лавры Сергей Радонежский (ок. 1314—
1392). *На реках вавилонских мы плакали, И кровавый мочил
нас дождь.* Отзвук 136-го псалма Псалтыри: «При реках
Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали
о Сионе». Псалтырь — одна из библейских книг, состоящая
из 150 псалмов — песнопений во славу бога. *Выгиль* —

возвышенность. *Теление* — отел. *Олимпий* — Олимпий (ум. ок. 1114), древнейший русский иконописец и живописец, родом из Киева. **3. Ладога** — Ладожское озеро: символ вольной природной стихии. *Полымя* — пламя. *Возгремлю я тогда колесами*. Намек на христианского святого Илью пророка, от небесной колесницы которого, по народному поверью, бывает гром. **4. Слава в вышних богу И на земле мир**. Цитата из Евангелия от Луки (II, 14), а также из молитвы «Славо-словие великое». *Радуйся, Сионе* — цитата из Октоиха, из воскресной стихиры «Господи воззвах» субботнего богослужения малой вечерни. Октоих — в православной церкви книга с песнопениями на восемь голосов. Сион — гора в Иерусалиме. В переносном смысле — божий город, символ всего «царства божия» на небесах и на земле. *Назарет* — см. с. 426. *Спас* — см. с. 422.

Иорданская голубица. *Иордан* — река в Палестине, в которой, по Евангелию, крестился Иисус Христос. После крещения на него снизошел дух божий в образе голубя. **3. Апостол Андрей** — первый ученик Христа, именуемый поэтому «Первозванным»; по преданию, проповедовал учение Христа в местах, где возникла Киевская Русь. В честь его в Киеве был поставлен крест, а в XVIII в. воздвигнута церковь, названная Андреевской. **5. Древняя тень Маврикийи... Нас посетил Авраам**. Пояснением к этим строкам могут служить слова Есенина из трактата «Ключи Марии»: «...символическое древо, которое означает «семь»... в Иудее это древо носило имя Маврикийского дуба... под которым Авраам встречает св. Троицу» (Есенин С. А. Собр. соч. Т. 5. С. 169—170). Правильное название дуба — мамврикийский (от названия дубравы). Авраам — древнееврейский патриарх, которого Библия именует «отцом верующих», «другом божиим». *Длань* — ладонь.

«Зеленая прическа...» *Кашина* Лидия Ивановна (1885—1937) — знакомая Есенина, владелица имения в селе Константинове, куда она приезжала в летнее время с детьми. Осенью 1917 г. передала свое имение константиновским крестьянам, а в 1919 г. переехала в Москву. Кашина стала одним из прообразов Анны Снегиной в одноименной поэме. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

«О пашни, пашни, пашни...» *Коломенская грусть*. Коломна — древний пограничный город Рязанского княжества, впервые упоминаемый в Лаврентьевской летописи в 1177 г. (ныне в Московской обл.). *Исайя* — ветхозаветный пророк; в «Книге пророка Исайи» предсказано пришествие Мессии и подробно описаны события его жизни, за что Исайя получил от церкви название ветхозаветного евангелиста. *Мессия* — по Библии, божественный посланец, который должен явиться на земле для уничтожения зла и установления «царства божия». Мессией называют также Христа.

«И небо и земля всё те же...» *Ложноклассическая Русь* — уже не существующая, дореволюционная Россия. *Езекиильский глас* — пророческий, от имени Иезекииля, одного из ветхозаветных пророков. Его пророчества отличаются богатством фантазии и экспрессией выражений. *Мрежа*, мережа — невод, сеть.

«Теперь любовь моя не та...» *Клюев* — см. с. 425. *Ты сердце вынесил избе*. Речь идет о клюевском цикле стихов «Избьяные песни» (1914—1917), в которых поэт «возвестил целую эпоху в развитии русской поэзии новейшего времени — эпоху любовно-пристального, возвышенного отношения ко всему родному — родному крову, дому, избе» (Дементьев В. В. *Олонецкий ведун//Исповедь земли*. М., 1984. С. 35).

Песнь о собаке. *Закут* — закуток, отгороженное место в избе, сенях или хлеву. О чтении этого стиха в Берлине, на квартире А. Н. Толстого в мае 1922 г. вспоминал М. Горький: «Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

— Если вы не устали...

— Я не устаю от стихов,— сказал он и недоверчиво спросил:

— А вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье,— молвил Есенин задумчиво и тихо, а на мой вопрос, знает ли он «Рай животных» Клоделя, не ответил, пощупал голову обеими руками

и начал читать «Песнь о собаке». И когда произнес последние строки:

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

— на его глазах сверкнули слезы». (Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1952. Т. 17. С. 63—64).

Небесный барабанщик. *Старк* Леонид Николаевич (1889—1937) — поэт, журналист, сотрудник дооктябрьской «Правды» и других партийных органов, соредактор газеты «Советская страна» (1919), в которой печатался Есенин. 1. *Нынче с воды луну Лошади выпили.* Эти ст. восходят к эпизоду, описанному поэтом в «Автобиографии» (1924): «Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов» (Собр. соч. Т. 5. С. 226). *Нам ли страшны полководцы Белого стада горилл.* Так Есенин называл Белую армию.

Пантократор. *Пантократор* (греч.) — всевластитель, вседержитель. 2. *Водолей* — одно из созвездий зодиака. 3. *Заборки* — заплечья.

Кобыльи корабли. 3. *Где же те? Где еще одиннадцать.* Имеются в виду одиннадцать апостолов Иисуса Христа, оставшихся после самоубийства Иуды Искариота. 4. *Звери, звери, приходите ко мне В чашки рук моих злобу выплакать!* Реминисценция строки из «Книги пророка Иеремии» (XII, 9): «Идите, собирайтесь, все полевые звери, идите пожирать его». Иеремия — см. с. 428.

«*Душа грустит о небесах...*» *Так кони не стяхнут хвостами В хребты их пьющую луну.* См. выше примеч. к ст-нию «Небесный барабанщик».

Хулиган. *Кистень* — см. с. 420.

Сорокоуст. *Сорокоуст* — сорокадневная молитва в церкви по умершим. *Марценгоф* Анатолий Борисович (1897—1962) — поэт, один из основателей имажинизма. Знакомство его с Есениным состоялось в августе 1918 г. Долгое время их

отношения были дружескими: они выступали на вечерах, печатались в коллективных сборниках, организовали издание журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном». Однако возникшие разногласия идейно-творческого характера привели в 1924 г. к окончательному разрыву их отношений. После смерти Есенина Мариенгоф опубликовал книгу «Роман без вранья» (1927). 1. *Прясло* — см. с. 422. 2. *Осеница* — см. с. 428. 4. *Псаломщик* — церковный чтец, читающий псалмы по усопшим. *Аллилуйя* (др.-евр.) — хвала богу; петь аллилуйю — чрезмерно восхвалять. *Склень* — подобие стекла. *Тужиль* — печаль. *Тальянка* — см. с. 420.

В основе третьей части ст-ния — реальное событие, описанное Есениным в письме к давней знакомой Евгении Исааковне Лившиц (1901—1961): «Трогает меня... только грусть за уходящее, милое родное, звериное и незыблемая сила мертвого, механического.

Вот Вам наглядный случай из этого. Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни...» (Собр. соч. Т. 6. С. 99). Тихорецкая — ныне г. Тихорецк Краснодарского края.

Исповедь хулигана. *Зеленя* — озимь. *Индеветь* — сильно покрываться инеем. *Хмарь* — см. с. 424. *Не погребав* — не побрезговав. *Пегас* (греч. миф.) — крылатый конь, под ударом копыта которого забил чудесный источник, вдохновляющий поэтов; символ поэтического вдохновения.

«По-осеннему кычет сова...» *Кычет* — кричит.

«Я последний поэт деревни...» *Мариенгоф* — см. с. 431. *Железный гость* — трактор.

«Мир таинственный, мир мой древний...» *Выбель* — здесь: цвель, плесень. *Чугунная гать* — узкоколейная желез-

ная дорога, проложенная по насыпи через болотистые места.

«Не жалею, не зову, не плачу...» Ст-ние, как рассказывал поэт своей жене Софье Андреевне Толстой-Есениной (1900—1957), было написано под влиянием заключительных строк вступления к шестой главе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «... что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть!» (см.: С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 260).

«Сторона ль ты моя, сторона!..» *Мреть* — мелькание, мерцание, мельтешение. *Твердь* — здесь: земля, твердыня. *Вежда* — веко.

Песнь о хлебе. *Погребальный чин* — обряд погребения. *Цеп* — ручное орудие для молотьбы, состоящее из длинной деревянной ручки и прикрепленного к ней ремнем деревянного била.

Прощание с Мариенгофом. *Мариенгоф* — см. с. 431. Накануне вылета Есенина и Айседоры Дункан за границу, 7 мая 1922 г., между поэтами состоялся обмен ст-ниями, полными предчувствий неизбежного разрыва. «Мое «Прощание с Есениным», — писал Мариенгоф, — заканчивалось следующими строками:

А вдруг —
При возвращении
В руке рука заохлодеет
И оборвется встречный поцелуй».

(Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век... Л., 1988. С. 103).

«Я обманывать себя не стану...» *Тверской околоток* — часть старой Москвы, располагавшаяся вокруг Тверской (ныне ул. Горького). *Омут* — помутнение. О. Э. Мандельштам, противопоставляя настоящую живую поэзию Есенина книжной литературе, писал: «Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиные ночи, от

которого как наваждение рассыпется рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих: он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя...» (Мандельштам О. Четвертая проза // «Родник» (Рига). 1988, № 6. С. 23). Канон — здесь: произведение, служащее нормативным образцом.

«Я усталым таким еще не был...» *Под микитки* — под вздох.

«Эта улица мне знакома...» *Хмарь* — см. с. 424.

«Ты такая ж простая, как все...» *Что ж так имя твое звенит, словно августовская прохлада.* Намек на Августу Леопольдовну Миклашевскую (1891—1977) — актрису Московского Камерного театра. После возвращения Есенина из-за границы, в августе 1923 г., состоялось их знакомство. Поэт посвятил ей цикл стихов «Любовь хулигана», вошедший в сборник «Москва кабацкая» (1924).

«Дорогая, сядем рядом...» *Куца* — здесь: кладбищенская сень.

«Вечер черные брови насопил...» В стихе нашли отражение встречи с Миклашевской (см. о ней выше примеч. к стиху «Ты такая ж простая, как все...»). «Увидев меня однажды на улице, — пишет она, — он соскочил с извозчика, подбежал ко мне.

— Прожил с вами уже всю нашу жизнь. Написал последнее стихотворение:

Вечер черные брови насопил.
 Чьи-то кони стоят у двора.
 Не вчера ли я молодость пропил?
 Разлюбил ли тебя не вчера?

Как всегда, тихо прочитал все стихотворение и повторил:

Наша жизнь, что былой не была...»

(Миклашевская А. Л. Встречи с поэтом // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 88).

«Мне осталась одна забава...» *Мреть* — см. с. 433.

«Этой грусти теперь не рассыпать...» *Покосившаяся избенка, Плач овцы, и вдали на ветру Машет тощим хвостом лошаденка, Заглядевшись в неласковый пруд.* Эта строфа перекликается со строками «Автобиографии» (1924) поэта: «... я очень не люблю Америки. Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка» (Собр. соч. Т. 5. С. 227). *Прясло* — см. с. 422.

«Низкий дом с голубыми ставнями...» *Цветь* — пора цветения. *Ракитник* — см. с. 422. *Вить* — см. с. 422.

Пушкину. Ст-ние написано в связи с празднованием 125-летия со дня рождения поэта. 6 июня 1924 г. Есенин читал свое ст-ние на митинге у памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве. С особой любовью относился Есенин к Пушкину; отвечая на вопросы анкеты, разосланной журналом «Книга о книгах» в 1924 г., поэт писал: «Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу... Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант» (Собр. соч. Т. 5. С. 22). *Стою я на Тверском бульваре.* На Тверском бульваре в 1880 г. был установлен памятник Пушкину (скульптор А. Опекушин), а в 1950 г. передвинут в сквер с фонтанами, разбитый на месте снесенного Страстного монастыря.

Возвращение на родину. Ст-ние навеяно впечатлениями от посещения села Константинова в мае 1924 г., в котором поэт не был около трех лет. *Подожок* — см. с. 422. *Есенина Татьяна Федоровна* (1875—1955) — мать поэта. Она была лучшей песенницей на селе, многие стихи сына знала наизусть, пела их, подбирая к текстам мотивы. *Дед* — Федор Андреевич Титов (1846—1927), по словам Есенина, «это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура и «умственный мужик»... знал наизусть великое множество народных песен, но главным образом духовных сти-

хов» (Розанов И. Есенин о себе и других. М., 1926. С. 17). Образ деда нашел отражение в ст-нии поэта «Пантократор». *Сестры*. Речь идет о Екатерине Александровне Есениной (1905—1977) и Александре Александровне Есениной (1911—1981). *Куколь* — трава с темно-розовыми цветами и черными ягодами. *По-байроновски наша собачонка Меня встречала лаем у ворот*. Реминисценция строк «Прощальной песни» из поэмы Д. Байрона «Паломничество Чайлд-Гарольда» (песнь I, гл. 8): «Заглохнет замок мой родной, Травкою зарастет. Широкий двор: поднимет вой Собака у ворот...» (пер. М. Л. Михайлова, 1860). «*Капитал*» — одно из главных сочинений К. Маркса.

Русь Советская. *Сахаров* Александр Михайлович (1894—1952) — издательский работник, познакомился и подружился с Есениным в 1919 г. Приезжая в Ленинград, поэт часто у него останавливался. В 1922 г. в петроградском издательстве «Эльзевир» Сахаров издал поэму Есенина «Пугачев». *И там, где был когда-то отчий дом, Теперь лежит зола да слой дорожной пыли*. В августе 1922 г. дом родителей поэта сгорел. *Пилигрим* — паломник, ходящий по святым местам; странник. *У волости*. Волость — здание, помещение административного управления. *Буденный* Семен Михайлович (1883—1973) — маршал Советского Союза, командир Первой Конной армии времен гражданской войны. *Перекоп*. Речь идет о Перекопско-Чонгарской операции, осуществленной в ночь с 11 на 12 ноября 1920 г. под руководством М. В. Фрунзе и обеспечившей разгром белого генерала Врангеля. *Агитка* — литературное произведение, написанное на злободневную общественно-политическую тему. *Демьян Бедный* — псевдоним Ефима Алексеевича Придворова (1883—1945). В годы революции и гражданской войны произведения поэта пользовались большой популярностью. В 20—30-х гг. сатирические стихи на самые разнообразные злободневные темы регулярно появлялись на страницах периодической печати. В годы Великой Отечественной войны он выступал с патриотической лирикой. Есенин относился к его творчеству резко отрицательно.

Письмо матери. *Шушун* — старинная женская одежда вроде кофты.

Ленин. Идея создания поэмы «Гуляй-поле» возникла у Есенина зимой 1921—1922 гг., однако она так и не была написана. При жизни Есенина печатались отрывки из поэмы под загл. «Ленин», объединенные общим замыслом. *Гуляй-поле* — город в Запорожской обл., в годы гражданской войны был центром махновщины. Махно Нестор Иванович (1889—1934) — анархист-революционер крайнего толка, руководитель повстанческой крестьянской армии на Украине. В 1919—1920 гг. воевал против белогвардейцев и петлюровцев, а также против Красной Армии. Трижды вступал в соглашение с Советской властью, трижды нарушал его и поднимал мятеж. В 1921 г. бежал в Румынию. *Печенеги* — русское название народа тюркского происхождения. Русские земли неоднократно подвергались их нашествию. В 1036 г. при последнем набеге они были полностью разгромлены под Киевом Яро-славом Мудрым. *Цветь* — см. с. 435.

«Мы теперь уходим понемногу...» Ст-ние было написано в связи со скоропостижной смертью поэта Ширияевца (наст. фамилия: Абрамов) Александра Васильевича (1887—1924) и опубликовано в журнале «Красная Новь» под загл. «Памяти Ширияевца». «Я помню,— писал в своих воспоминаниях поэт Семен Фомин (1881—1958),— как ошеломила Есенина смерть Ширияевца. Всем, кто вернулся в тот день с Ваганьковского кладбища на «поминки» Ширияевца в Дом Герцена, не забудется плакавший Есенин, с хрипотцой прочитавший весь ширияевский „Мужикослов“» (Фомин С. Из воспоминаний // Сб. «Памяти Есенина». М., 1926. С. 134).

Стансы. *Чагин* Петр Иванович (наст. фамилия Болдовкин, 1898—1967) — журналист, издательский работник, в годы встреч с Есениным — секретарь ЦК компартии Азербайджана и редактор газеты «Бакинский рабочий». В 1924—1925 гг. был одним из ближайших друзей поэта, который посвятил ему сборник «Персидские мотивы». *Тигулевка* — в просторечии: арестантское помещение, «холодная». *О клеточной судьбе Несчастной канарейки*. Намек на 11-ю строфу своего ст-ния «На Кавказе». *Кенар* — в просторечии: канарейка-самец. *И не чета каким-то там Демьянам*. См. примеч. к ст-нию «Русь Советская», с. 436.

Письмо к женщине. *Попутчик* — распространенный в 20-е г. термин, применявшийся к писателям из непролетарской среды, принявшим революцию и платформу Советской власти. Вот как Есенин объяснял это слово: «... я здесь под словом «попутчик» разумею: соратника, спутника, друга в пути, в делах, в намеченной цели» (Вержбицкий Н. Встречи с Есениным. С. 101). *Живете вы с серьезным, умным мужем.* Речь идет о Зинаиде Николаевне Райх (1894—1939) — актрисе, жене Есенина, которая после развода с ним в 1921 г. вышла замуж за Всеволода Эмильевича Мейерхольда (1874—1940) — режиссера и актера, народного артиста Республики, руководителя Государственного театра имени Мейерхольда. *Куца* — здесь: покров, защита.

Поэтам Грузии. Ст-ние навеяно пребыванием Есенина в Грузии в 1924 г. «Грузия меня очаровала, — писал он поэту Тициану Табидзе, — как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качну обратно к Вам, увидеть и обнять Вас» (Собр. соч. Т. 6. С. 179). *Как голубые роги.* Намек на литературную группу грузинских поэтов, в которую входили: Тициан Табидзе (1895—1937), Паоло Яшвили (1895—1937), Валериан Гаприндашвили (1888—1941), Георгий Леонидзе (1899—1966) и другие, объединившиеся вокруг альманаха «Голубые роги» (1916) и во многом определившие пути развития грузинской поэзии XX в. *Кунак* (тюркск.) — друг, приятель.

Письмо от матери. *Святки* — у православных праздничное время от Рождества до Крещения. *Свою жену Легко отдал другому.* См. выше примеч. к ст-нию «Письмо к женщине». *Есенин* Александр Никитич (1873—1931) — отец поэта. В детстве пел в церковном хоре, обладал прекрасным голосом, был хороший рассказчик и рисовальщик. *Волисполком* — волостной исполнительный комитет.

Ответ. *Плакида* — плакальщица.

Цветы. В письме к П. И. Чагину от 21 декабря 1924 г. Есенин писал, что «это философская вещь» (Собр. соч. Т. 6. С. 171). **9.** *Тулово* — туловище, торс. *Солнь* — солнечная погода. *Стыть* — холод, стужа. *То дело было в Октябре* — т. е. во время Октябрьской революции. **12.** *Схима* — см. с. 423.

Батум. *В очарованную даль* — из ст-ния А. А. Блока «Незнакомка» (1906). *Индиго* — краситель, темно-синяя краска.

«Годы молодые с забубённой славой...» *Забубённый* — разгульный, отчаянный. О чтении Есениным этого ст-ния рассказывает писательница С. С. Виноградская (1901—1964): «Он не читал его, он хрипел, рвался изо всех сил с больничной койки, к которой был он словно пригвожден, и бил жесткую кровать забинтованной рукой. Перед нами был не человек, читающий стих, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих жутких муках.

Ошеломленные, подавленные, мы слушали его хрип, скрежет зубов, неистовые удары рукой по кровати и боялись взглянуть на эти некогда синие, теперь поблекшие и промокшие глаза. Он кончил, в изнеможении опустил на подушки, провел рукой по лицу, по волосам и сказал: «Это стихотворение маленькое, нестоящее оно» (Виноградская С. Как жил Есенин. М., 1926. С. 31).

На Кавказе. *Парнас* — здесь: содружество поэтов. *Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной* — цитата из ст-ния Пушкина, начинающегося этими строками (1828). *Азамат* — персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». *Был пулей друга успокоен*. Со своим убийцей Мартыновым Лермонтов был в приятельских отношениях. *И Грибоедов здесь зарыт*. Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — был убит в Тегеране религиозными фанатиками и националистами и похоронен в монастыре св. Давида в Тбилиси. *Персидская хмарь*. Есенин имеет в виду персидских религиозных фанатиков и националистов, организовавших убийство Грибоедова. *Зурна* — музыкальный духовой инструмент, род свирели, распространенный среди народов Кавказа. *Тари* — грузинский струнный музыкальный инструмент. *Зане созрел во мне поэт С большой эпической темой*. Речь идет о зарождении замысла поэмы «Анна Снегина». *Зане* — потому что. *Есть Маяковский, есть и кроме*. В этой строке нашла отражение межгрупповая литературная борьба, характерная для 20-х гг., и взаимные полемические выпады Маяковского и Есенина. *Поет о пробках в Моссельпроме*. Имеется в виду агитреклам Маяковского: «Нигде

кроме как в Моссельпроме». Моссельпром — Московское объединение предприятий по переработке продукции сельскохозяйственной промышленности. *Клюев* — см. с. 425. *Ты научи мой русский стих Кизиловым струиться соком*. «Сок кизила, — писал Вержбицкий, — густо-красный и терпкий. Есенин знал, что этот сок в старину на Кавказе пили перед сражением, считая, что он горячит кровь, возбуждает ненависть к врагам и крепит братство» (Вержбицкий Н. Встречи с Есениным. С. 116).

Баллада о двадцати шести. Написано к шестой годовщине расстрела двадцати шести бакинских комиссаров — руководителей борьбы трудящихся Азербайджана и всего Закавказья за Советскую власть в 1917—1918 гг. *Якулов* Георгий Богданович (1884—1928) — художник, скульптор, автор проекта памятника 26 бакинским комиссарам; был в дружеских отношениях с Есениным. *Степан* Георгиевич Шаумян (1878—1918), *Прокопий* Апросионович Джапаридзе (1880—1918), *Мешади* Азимбек-оглы Азизбеков (1876—1918), *Иван* Тимофеевич Фиолетов (1884—1918) и др. были расстреляны эсерами и английскими интервентами между станциями Перевал и Ахча-Куйма за Красноводском 20 сентября 1918 г. В сентябре 1920 г. останки бакинских комиссаров были перевезены в Баку и торжественно захоронены на площади, названной позднее площадью 26 бакинских комиссаров. В 1958 г. здесь установлен памятник, в 1968 г. сооружен пантеон.

Русь уходящая. *Пустынь* — келья, лачуга отшельника.

Письмо деду. *Дед* — см. с. 435. «*Достойно есть* *(яко воистину)*», «*Отче* *(наш)*», «*Символ веры*» — православные молитвы.

Метель. *Кудель* — см. с. 426. *Как ведьма с киевской горы*. По народным преданиям, на Лысой горе под Киевом ведьмы справляют шабаш, сопровождаемый диким разгулом. *Аллилуйным стенаньем*. Аллилуйя — см. с. 432. «*Капитал*» — см. с. 436.

Весна. *Вчера прочел я в «Капитале», Что для поэтов — Свой закон*. Такой мысли нет в «Капитале». По всей вероят-

ности, Есенин мог встретить в журнальных публикациях 20-х гг. следующее высказывание К. Маркса в письме к другу, немецкому революционеру Иосифу Вейдемейеру (1818—1866): «...поэт — каков бы ни был как человек — нуждается в похвалах и поклонении. Я думаю, что такова уж их природа» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 28. С. 397). *Завируха* — вьюга, метель. *Куца* — здесь: единый дом. *Повитель* — полевой вьюнок.

Персидские мотивы. В основе цикла впечатления от поездок Есенина в Среднюю Азию, по Кавказу, и, конечно же, в нем отразилось знакомство с известными образцами средневековой персидско-таджикской поэзии. Цикл был написан в течение 1924—1925 гг. во время трехкратного пребывания на Кавказе и завершён в Москве. В Персии Есенин никогда не был, хотя неоднократно туда собирался.

1. «Улеглась моя былая рана...» *Чадра* (перс.) — легкое покрывало, в которое женщины-мусульманки при выходе из дома закутываются с головы до ног, оставляя просвет для глаз. *Хорасан* — провинция на северо-востоке Ирана. *И ковер ширазский подарю*. Шираз — город на юго-западе Ирана, родина великих персидско-таджикских лириков Саади и Хафиза, славящийся садами, виноградниками, розовыми цветниками, выделкой ковров.

2. «Я спросил сегодня у менялы...» *Полтумана*. Туман (томан) — иранская золотая монета. *Ван* — озеро в Турции.

3. «Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» Ст-ние навеяно встречами в Батуми с преподавательницей литературы *Шаганэ* (Шагандухт) Нерсесевной Тальян (в замужестве Тертерьян, 1900—1981). Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа. Имеется в виду Галина Артуровна Бениславская (1897—1926) — журналистка, издательский работник, близкий друг Есенина; не смогла смириться с гибелью поэта и 3 декабря 1926 г. покончила жизнь самоубийством на могиле Есенина. Похоронена рядом с ним на Ваганьковском кладбище.

4. «Ты сказала, что Саади...» *Саади* Муслихиддин (между 1202—1210—1293) — персидский поэт, мыслитель,

родился и скончался в Ширазе. Мировую славу принесли ему произведения «Гулистан» («Сад роз») и «Бустан» («Плодовый сад»).

5. «**Никогда я не был на Босфоре...**» *Тальянка* — см. с. 420. *О дальней северянке*. Намек на Г. А. Бениславскую.

6. «**Свет вечерний шафранного края...**» *Шафранный край*. Шафран — здесь: южное растение красно-желтого цвета, употребляемое на краску и как пряность в пищу. *Хаям* — Хайям Омар (ок. 1048 — после 1122) — персидско-таджикский поэт, ученый и философ. Мировую славу он снискал своими четырехстишиями — так называемыми рубаи. *Шираз* — см. с. 441.

7. «**Воздух прозрачный и синий...**» *Пери* — один из духов иранской мифологии, может принимать различный облик, но чаще являться в виде красивой девушки или юноши, способный вселять в человека безумную страсть. В поэзии — символ женской красоты. *Тихий, как флейта Гассана*. Вероятно, речь идет о Хусамаддине Хасане, ставшем другом и искренним помощником персидско-таджикского поэта Джалаладдина Руми (1207—1272). Именно Хасану обязана персидская словесность появлением знаменитой поэмы «Маснави» («Поэма о скрытом смысле»). В течение двенадцати лет, неотступно следуя за поэтом, Хасан тотчас записывал сочиненные им стихи, перечитывал записанное, Руми корректировал и шлифовал текст. Затем Хасан переписывал их заново. В 1270 г. поэма была завершена. А после ее окончания было написано вступление «Песни свирели» (Цит. по кн.: Руми Джалаладдин. Поэма о скрытом смысле. М., 1986. С. 225, 232). В персидско-таджикской поэзии флейта — метафора влюбленного, стонущего в разлуке со своей возлюбленной.

8. «**Золото холодное луны...**» *Шахразада* — мудрая дочь визиря Шахрияра, героиня арабских сказок «Тысяча и одна ночь». *Ошафранить* — от слова «шафран».

9. «**В Хорасане есть такие двери...**» *Шага* — Шаганэ.

10. «**Голубая родина Фирдуси...**» *Фирдуси* — Фирдоуси Абулькасим (ок. 940—1020 или 1030) — персидско-таджик-

ский поэт, родом из Хорасана, создатель знаменитой поэмы «Шахнаме». *Урус* — в восточном произношении: русский.

11. «Быть поэтом — это значит то же...» *Магомет* — устаревшая транскрипция имени Мухаммеда (ок. 570—632), арабского религиозного и государственного деятеля, основателя ислама. *Запрещающая крепкие напитки*. Употребление вина запрещается ортодоксальным мусульманством, что не мешало поэтам Востока наперебой славить в стихах вино и доставляемую им отраду; традиционным для таких стихов было обращение к виночерпию и соучастникам винных возлияний.

12. «Руки милой — пара лебедей...» *Если перс слагает плохо песнь, Значит, он вовек не из Ширази*. Отзвук восточной поговорки, которую приводит Есенин в одном из своих писем: «Хочу проехать в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Ширази» (Собр. соч. Т. 6. С. 182). *Шуша* — город в Нагорно-Карабахской АО Азербайджанской ССР, славящийся изготовлением музыкальных инструментов.

14. «Глупое сердце, не бойся!..» *Пролесь* — длинная прогалина в лесу.

15. «Голубая да веселая страна...» Ст-ние было посвящено Розе Петровне *Чагиной* (1919—1979), шестилетней дочери Чагина (см. с. 437), которая сама себя прозвала «Гелия Николаевна» по имени какой-то актрисы.

16. «Море голосов воробьиных...» *Ах, у луны такое Светит — хоть кинься в воду* и т. д. Смысл этой строфы, по свидетельству Вержбицкого, связан с легендой о гениальном китайском лирике *Ли Бо* (701—762), который, придя к реке Янцзы, «поселился здесь и часто ночью на лодке выезжал на середину реки и любовался лунным отражением. Однажды ему захотелось обнять это отражение, так оно было прекрасно. Он прыгнул в воду и утонул... Есенина поразила эта легенда» (Вержбицкий Н. Встречи с Есениным. С. 33).

Мой путь. *Божница* — см. с. 423. *Бабка*. Речь идет о Титовой Наталье Евтеевне (ум. 1912) — бабушке поэта по матери,

которая была очень набожной, любила ходить по церквам и монастырям. *Тогда империя Вела войну с японцем.* Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг. *Дед* — см. с. 435. *Лориган* — марка французских духов.

Письмо к сестре. *О Дельвиге писал наш Александр, О черепе выласкивал он строки.* Имеется в виду ст-ние Пушкина «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...», 1827). *Выласкивал* — тщательно, с ласковым чувством отделявал. *Блажен, кто не допил до дна.* Реминисценция строк восьмой главы романа Пушкина «Евгений Онегин»: «Блажен, кто праздник жизни рано Оставил, не допив до дна Бокала полного вина...»

«Заря окликает другую...» *Вздыхаешь так нежно и просто За братьев моих и сестер.* Речь идет об умерших в раннем возрасте Петре, Анне, Ольге и Леониде. *Ножевые* — озорники, сорванцы.

«Синий май. Заревая теплынь...» *Цветь* — см. с. 435. *Тальянка* — см. с. 420.

Капитан земли. Ст-ние было написано в первую годовщину смерти В. И. Ленина. *Чагин* (см. с. 437) вспоминал, как весной 1925 г. Есенин признавался ему, что «лелеет и нежит мечту написать эпическую вещь о гражданской войне, и чтобы обязательно в центре всего эпоса, который должен перекрыть и «Песнь о великом походе», и «Анну Снегину», и все написанное им, был Ленин.

— Я в долгу перед образом Ленина,— говорил Есенин.— Ведь то, что я написал о Ленине — и «Капитан земли» и «Еще закон не отвердел»,— это слабая дань памяти человека, который не то что как Петр Первый Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету» (Чагин П. И. Сергей Есенин в Баку // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 163). *Это не разгулье Стеньки.* Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, с отрядами казацкой голытьбы совершил походы на Волгу, Яик, а также в Персию. В 1670—1671 гг. возглавил крестьянское восстание. Казнен в Москве. *Не Пугачевский Бунт и трон!* Петр III (1728—1762) — российский император, был убит с ведома

Екатерины II. Дворцовый переворот 1762 г. породил необоснованные слухи о том, что Петр III был свергнут дворянами за намерение освободить крестьян. Под именем Петра III выступали многие самозванцы, в том числе и Пугачев Емельян Иванович (1742—1775) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг.

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» *Балаханский май.* Намек на участие Есенина в маевке Балаханского промышленного района в мае 1925 г.

«Каждый труд благослови, удача...» Ст-ние было написано во время пребывания поэта в июле 1925 г. в селе Константинове, где он два дня пропадал с рыбацкой артелью на рыбной ловле.

«Видно, так заведено навеки...» *Вынул я кольцо у попугая.* По свидетельству сестры поэта А. А. Есениной, здесь имеется в виду реальный случай из жизни поэта: «Кольцо... Сергею на счастье вынул попугай незадолго до его женитьбы на Софье Андреевне Толстой. Шутя, Сергей подарил это кольцо ей. Это было простое медное кольцо очень большого размера, и носить такое кольцо было трудно. Но Софья Андреевна сжала его и надела между двумя своими кольцами. Красоты в этом кольце не было никакой, однако проносила она его много лет» (Есенина А. Родное и близкое. М., 1979. С. 87).

«Я иду долиной. На затылке кепи...» В ст-нии отразились впечатления поэта от поездки в село Константиново в июле 1925 г.

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» *Тальянка* — см. с. 420. «*Липа вековая*» — название русской народной песни, относящейся к жанру так называемого городского «жесточкого романса». *А теперь я милой ничего не значу. Под чужую песню и смеюсь и плачу.* Реминисценция строк из ст-ния Лермонтова «Завещание» (1841): «Пускай она поплачет... Ей ничего не значит!»

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» *Пусть*

она услышит, пусть она поплачет. Ей чужая юность ничего не значит. См. предыдущее примеч.

«Я красивых таких не видел...» Шура — Александра Александровна Есенина (1911—1981) — младшая сестра поэта. Была одним из организаторов литературно-мемориального музея С. А. Есенина в Константинове. В своих воспоминаниях она рассказывает: «Когда мы доехали до Театральной площади, Сергей предложил зайти пообедать. И вот я в первый раз в ресторане. Швейцары, ковры, зеркала, сверкающие люстры — все это паразило и ошеломило меня. Я увидела себя в огромном зеркале — и оторопела: показалась такой маленькой, неуклюжей, одета по-деревенски и покрыта хотя и красивым, но деревенским платком! Но со мной Соня и Сергей. Они вели себя просто и свободно. И, уцепившись за них, я пошла к столику. За столом Сергей, видя мое смущение, все время улыбался и, чтобы окончательно смутить меня, проговорил: «Смотри, какая ты красивая, как все на тебя смотрят...»

...А на следующий день Сергей написал и посвятил мне стихи: „Ах, как много на свете кошек, нам с тобой их не счесть никогда...“ и „Я красивых таких не видел...“» (Есенина А. Родное и близкое. С. 89).

«Ах, как много на свете кошек...» Поводом к написанию этого стиха послужил эпизод, рассказанный А. Есениной: «В один из сентябрьских дней 1925 Сергей предложил <жене> Соне и мне покататься на извозчике. День был теплый, тихий.

Лишь только мы отъехали от дома, как мое внимание привлекли кошки. Уж очень много их попадалось на глаза.

Столько кошек мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею. Сначала он только улыбнулся и продолжал спокойно сидеть, погруженный в какие-то размышления, но потом вдруг громко рассмеялся. Мое открытие ему показалось забавным, и он тотчас же превратил его в игру, предложив считать всех кошек, попавшихся нам на пути.

Путь от Остоженки до Театральной площади довольно длинный, особенно когда едешь на извозчике. И мы принялись считать. Это занятие всех нас развеселило, а Сергей увлекся им, пожалуй, больше, чем я. Завидев кошку, он

вскакивал с сиденья и, указывая рукой на нее, восклицал: «Вон, вон еще одна!»

Мы так беззаботно и весело хохотали, что даже угрюмый извозчик добродушно улыбнулся» (Есенина А. Родное и близкое. С. 88—89).

«Ты запой мне ту песню, что прежде...» В своих воспоминаниях С. Виноградская пишет: «Больше всего он любил русские песни. За ними он проводил целые вечера, а иногда и дни. Он заставлял петь всех, приходивших к нему... Он знал песню, как теперь редко кто знает, и любил ее — грустную, задорную, старинную, современную. Он понимал песню, чувствовал ее как-то по-особенному, по-своему. Большой радостью бывало для него подбить свою мать на песню; поет она, а он говорит: „Вот это песня! Сестры так не умеют, это старая песня“» (Виноградская С. Как жил Есенин. С. 6).

«Эх вы, сани! А кони, кони!..» *Тальянка* — см. с. 420.

«Снежная замята дробится и колется...» *Замята* — метель.

«Мелколесье. Степь и дали...» *Венка* — вид гармонии. *Стынь* — стужа. *Звень* — от слова «звенеть».

«Цветы мне говорят — прощай...» По словам дочери поэта Татьяны Сергеевны Есениной, это стихотворение обращено к Зинаиде Николаевне Райх (см. о ней примеч. к стихотворению «Письмо к женщине», с. 437) (Есенина Т. С. Зинаида Николаевна Райх // Есенин и современность. М., 1975. С. 372).

Собаке Качалова. *Качалов* Василий Иванович — актерский псевдоним Шверубовича (1875—1948), народного артиста СССР, актера МХАТ'а; знакомство его с Есениным состоялось в марте 1925 г. в Москве. «... стихи его,— писал Качалов,— любил давно. Сразу полюбил, как только наткнулся на них, кажется, в 1917 году в каком-то журнале. И потом во время моих скитаний по Европе и Америке всегда возил с собой сборник его стихов. Такое у меня было чувство, как будто я возил с собой — в американском чемодане — горсточку русской земли. Так явственно, сладко и горько пахло от них родной землей» (Качалов В. И. Встречи с Есениным //

С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 251). Произведения Есенина вошли в концертный репертуар Качалова с 1922 г.

Песня. Поэт Василий Наседкин (1895—1940) приводит рассказ Есенина о создании этого стихотворения: «Катались на автомобиле. Попали в горы. В горах, знаешь, холодно, а я в одной рубашке. На другой день горлом пошла кровь. Я очень испугался. Чагин вызвал врачей... Праздник, Пасха, а я в больнице. Мне казалось, что я умираю. В один день я написал тогда два стихотворения „Есть одна хорошая“ и „Ну, целуй меня, целуй“» (Наседкин В. Последний год Есенина. М., 1927. С. 19). Это стихотворение было написано Есениным в Баку и кем-то переложено сразу же на музыку. Вернувшись в Москву, Есенин часто пел его и с необычным подъемом исполнил на своей свадьбе в июле 1925 г. *Ножевая* — см. с. 444.

«Ну, целуй меня, целуй...» См. предыдущее примеч.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» Это предсмертное стихотворение Есенин написал кровью утром 27 декабря 1925 г. в ленинградской гостинице «Англетер» (ныне «Астория»).

ПОЭМЫ

Пугачев. Над драматической поэмой «Пугачев» Есенин работал долго и напряженно в течение всего 1921 г. Он несколько лет изучал художественную и историческую литературу о Пугачеве, которого считал почти гениальным человеком, совершил поездку в Самару, в оренбургские степи. Есенин не стремился к сохранению исторической достоверности, хотя первоначально и назвал свое произведение «Поэмой о великом походе Емельяна Пугачева». Задача поэта заключалась в романтизации мужицкого бунтаря. Сам Есенин считал поэму «действительно революционной вещью» (Кириллов В. Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 272) и писал в расчете на постановку в театре Мейерхольда, однако она не состоялась. «Пугачев» был поставлен Театром драмы и комедии на Таганке в 1967 г.

Есенин часто читал отрывки из «Пугачева». В мае 1922 г. в Берлине он читал Горькому монологи Хлопуши и Пугачева. «Есенина попросили читать, — рассказывает Горький, — он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале трагические выкрики каторжника показались театральными.

Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!
Что ты? Смерть?

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее, все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренно, с невероятной силой прозвучало неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:

Я хочу видеть этого человека!

И великолепно был передан страх:

Где он? Где? Неужель его нет?

Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувств, такой совершенной выразительностью. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно равновесна. Казалось, что он мечет их, одно — под ноги себе, другое — далеко, третье — в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще все: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза — все было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час.

Совершенно изумительно прочитал он вопрос Пугачева, трижды повторенный:

Вы с ума сошли?

— громко и гневно, затем тише, но горячее:

Вы с ума сошли?

И наконец совсем тихо, задыхаясь в отчаянии:

Вы с ума сошли?

Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Неописуемо хорошо спросил он:

Неужели под душой так же падаешь, как под ношей?
И, после коротенькой паузы, вздохнул, безнадежно, прощально:

Дорогие мои...
Хор-рошние...

Взволновал он меня до спазм в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — я думаю — и не нуждался в них» (Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 17. С. 62—63).

Анатолий *Мариенгоф* — см. с. 431. 1. *Яицкий городок* — название г. Уральска до 1775 г. *Чаган* — правый приток Урала. *Яик* — старинное название реки Урал. После подавления крестьянского восстания указом Екатерины II был переименован в Урал. *Хмарь* — см. с. 424. *Третий Петр (Петр III)* — см. с. 445. *Каин* — по Ветхому завету, один из сыновей Адама и Евы, убивший своего брата Авеля. Имя «Каин» стало нарицательным для тяжкого преступника. *Сердце Каина К состраданию не окапишь* — т. е. не умолишь о сострадании. *Благовест* — звон в колокола перед началом церковной службы. 2. *Тридцать тысяч калмыцких кибиток От Самары проползло на Иргиз*. В 1771 г. из-за притеснений царской администрации и вследствие уговоров калмыцких ханов большая часть калмыков откочевала в Китай. *Кибитка* — крытая телега, повозка. *Иргиз* — река в Актюбинской обл. Казахской ССР. *Иргиз Большой* — левый приток Волги. *Траубенберг* и *Тамбовцев*. Постоянное притеснение властей вызвало многочисленные жалобы яицких казаков. Следственная комиссия по разбору жалоб казаков, возглавленная генерал-майором Михаилом фон Траубенбергом, повела дело столь жестко и грубо, что это привело 13 января 1772 г. к восстанию и стоило жизни Траубенбергу и войсковому атаману Петру Тамбовцеву. *Если б Наши избы были на колесах*. Намек на кочевой образ жизни калмыков. *Целовать крест* — присягать. 3. *С Екатериною воюющий султан*. Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг. *С озирой* — с оглядкой, осторожно. *К черту султан с турецкиной, Только на радость врагу*. Намек на некрасовцев — потомков донских казаков, сторонников атамана Игната Некрасова, одного из предводителей Булавинского восстания 1707—1708 гг.

После подавления восстания они ушли на Кубань и создали республику в 1740 г. Спасаясь от царских войск, эмигрировали в Турцию, правительство которой стремилось использовать их в борьбе с Россией. 4. *Таловый умет* — одинокий постоянный двор, стоявший в 60 верстах от Яицкого городка, принадлежал пахотному солдату Степану Максимовичу *Оболяеву*, верному соратнику Пугачева. *Жолклый* — бледный, пожелтевший. *Джигильда* — возможно, Джигалга — горный кряж Уральского хребта. *Алатырь* — река на территории современной Горьковской обл., Мордовской и Чувашской АССР. 5. *Хлопуша* (наст. фамилия и имя: Соколов Афанасий Тимофеевич, 1714—1774) — один из ближайших соратников Пугачева. *Солонец* — см. с. 422. *Вспург* — снежный вихрь. *Рейнсдорн фон*, Иван Андреевич (ум. 1782) — генерал-поручик, оренбургский генерал-губернатор. *Вам не взять Оренбург*. В середине октября 1774 г. Хлопуша был послан на Авзяно-Петровский завод, где он организовал крупный отряд из заводских крестьян и наладил производство боеприпасов, однако шестимесячная осада города так и не увенчалась успехом повстанцев. *Сакмара* — река, правый приток Урала. 6. *Хлябь* — здесь: преграда. *Оса* — город в Пермской обл. *Сарапуль* — Сарапул, город в Удмуртской АССР. *Завнь* — громкий, многоголосый зов. *Черемшан Большой* — левый приток Волги. 7. *Сарепта* — название г. Красноармейска до 1920 г., ныне в черте Волгограда. *Свадьбище* — здесь: скопище. *Табинский острог* — при Табинской крепости, расположенной на реке Белой, юго-восточней г. Уфы. В наст. время село Табынское Гафурийского района Башкирской АССР. *Михельсон* Иван Иванович (1740—1807) — генерал, нанес ряд сокрушительных поражений Пугачеву. *Зеленя* — см. с. 432. *Сура* — река, правый приток Волги. 8. *Гурьев* — город, находящийся вблизи устья Урала. *Тамерлан* (Тимур, 1336—1404) — среднеазиатский полководец и государственный деятель, покоривший десятки стран Азии. *Взвой* — резко, внезапно поднявшийся вой.

Песнь о великом походе. *Дрохва* — дрофа. *Притчина* — иносказательный рассказ. *Ипатьев* — возможно, речь идет об Ипатьевском монастыре близ Костромы. *При Петре* — т. е. при императоре Петре I (1672—1725). *Косец* — коса, вид прически. В XVII в. коса была принадлежностью не только женских, но и мужских причесок. *По Тверской-Ямской* —

улицы и переулки Москвы, названные по местонахождению здесь в XVI в. Тверской-Ямской слободы между современным Садовым кольцом и Белорусским вокзалом. *Вбряк* — брякая. *Лефорт* Франц Яковлевич (1655—1699) — швейцарец по происхождению. С 1678 г. на русской службе. Сподвижник Петра I, командовал флотом в Азовских походах, принимал участие в организации петровской гвардии и флота. *Он учился там*. В 1697—1698 гг. во время первой заграничной поездки Петр I прошел полный курс артиллерийских наук в Кенигсберге, полгода работал на верфях Амстердама, изучал корабельную архитектуру и черчение планов, окончил теоретический курс кораблестроения в Англии. *Чупрын* — чуб. *Всякий сволок был* — т. е. разный люд. *На фонарных столбах Перевешаем*. Реминисценция французской эпиграммы, перевод которой необоснованно приписывался Пушкину и часто встречался в переделанном виде в многочисленных сборниках русской потаенной литературы: «Когда б на место фонаря, Что тускло светит в непогоду, Повесить русского царя, Светлее стало бы народу» (Лернер Н. О. Мелочи прошлого: Из прошлого русской революционной поэзии // «Каторга и ссылка», 1925, № 8(21), С. 241). *Губчека* — губернское отделение ВЧК. *Троцкий* (наст. фамилия: Бронштейн, 1879—1940) Лев Давидович — политический деятель. После Октябрьской революции нарком иностранных дел. В 1918—1924 гг. нарком-военмор и председатель РВС Республики. В 1929 г. выслан из СССР. *Каледин* Алексей Максимович (1861—1918) — генерал, атаман Донского казачества, руководитель контрреволюции на Дону в 1917—1918 гг. *«Яблочко»* — матросская песня (частушка), популярная в 20-е гг. *Явор* — г. Яворов на Украине, недалеко от Львова. *Врангель* Петр Николаевич (1878—1928) — генерал-лейтенант, один из руководителей контрреволюции на Юге России. *Деникин* Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант, один из главных руководителей российской контрреволюции. С апреля 1918 г. — командующий белой Добровольческой армией. С января 1919 г. — главнокомандующий вооруженными силами Юга России. После поражения своих армий эмигрировал за границу. *Колчак* Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал, глава контрреволюционной военной диктатуры, установленной в ноябре 1918 г. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, провозгласил себя «верховным правителем России». К началу 1920 г. армии Колчака были разгромлены, а

сам он расстрелян. *Ногата* — древняя русская серебряная монета высокой пробы. *Резана* — самая мелкая монета Киевской Руси, употреблявшаяся нередко и в качестве украшения. *На Дону теперь поют Не по-нашему* — т. е. на мотив известного «Яблочка» поют враги революции. *Вечека* — аббревиатура: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, утвержденная постановлением СНК по инициативе В. И. Ленина 7 (20) декабря 1917 г. *Юденич* Николай Николаевич (1862—1933) — генерал, один из главных руководителей контрреволюции на Северо-Западе России, а в 1919 г. возглавил весенне-летнее и октябрьско-ноябрьское наступление на Петроград. С 1920 г. эмигрант. *Зиновьев* Григорий Евсеевич (наст. фамилия и имя: Радомысльский Овсей-Гершен Аронович, 1883—1936) — политический деятель. С декабря 1917 г. председатель Петроградского Совета. В 1919—1926 гг. председатель Коминтерна. Член ЦК партии (1907—1927). Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно. Есенин имеет в виду выступление Зиновьева 19 октября 1919 г. на экстренном заседании Петросовета. Информирова о создавшейся трудной обстановке на петроградском фронте, сложившейся в результате наступления Юденича, он призывал «удвоить нашу энергию, усилить наше внимание и ударить в набат» («Петроградская правда», 1919, 20 октября). *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал, один из главных руководителей контрреволюции. 19 ноября 1917 г. вместе с генералом Алексеевым возглавил Добровольческую армию, с декабря член «триумvirата» Донского гражданского совета. 13 апреля 1918 г. убит при штурме Екатеринодара. *Сотский* — см. с. 421. *Ворошилов* Климент Ефремович (1883—1969) — государственный, партийный и военный деятель, один из руководителей Красной Армии, *Буденный* — см. с. 436. *В нить* — т. е. поникла, погибла. *В куртках кожаных*. При создании Красной Армии были приняты различные образцы военной формы. Командиры, комиссары и политработники носили кожаные куртки и фуражки. *Лигово* — пригород Петрограда. *А за Белградом, Окол Харькова*. Речь идет об успешном проведении 24 ноября — 12 декабря 1919 г. Харьковской наступательной операции советских войск Южного фронта против войск Деникина. *У околицы Гуляй-полевой Собирались Буйны головы. Да как стали жечь, Как давай палить. У Деникина Аж живот*

болит. По всей вероятности, имеется в виду успешный рейд Махно (см. с. 437) совместно с советскими частями осенью 1919 г. по тылам белогвардейцев, что вынудило Деникина бросить на борьбу с ними значительные военные силы. *Гуляй-полевой* — от Гуляй-поле (см. с. 437). *Тальяночка* — см. с. 420. *Отколчакивай* — т. е. отчаливай, Колчак. *Круть* — вихрь, водоворот. *Индевь* — см. с. 432.

Анна Снегина. Поэма в значительной степени автобиографична. Все лето 1918 г. Есенин провел в селе Константинове и был свидетелем многих событий, которые происходили на родине. Однако рамки поэмы не исчерпываются 1918 г. В ней отражены события примерно с 1917 по 1922 гг., а также показана широкая картина революционной России. *Воронский* Александр Константинович (1884—1943) — литературный критик, публицист, писатель, редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор»; познакомился с Есениным осенью 1923 г. Отношения их носили дружеский характер. По просьбе поэта Воронский написал вступительную статью к готовящемуся в 1925 г. трехтомному изданию стихов Есенина. 1. *Был-ластая* — мужицкая. *«Луна»* — подложный документ (примеч. Есенина), освобождающий от военной обязанности. *Калифствовал* — пользовался кратковременной властью. *Керенский* Александр Федорович (1881—1970) — буржуазный политический деятель, глава Временного правительства, с августа одновременно и верховный главнокомандующий. 25 октября (7 ноября) бежал из Петрограда. С 1918 г. эмигрант. *Война «до конца», «до победы»* — лозунги Временного правительства, требовавшего продолжения империалистической войны. *Звень* — см. с. 447. *Норов* — нрав, характер. 2. *Булдыжник* — здесь: буян, забулдыга. *Зеленя* — см. с. 432. *Ухват* — см. с. 421. *На испод* — наизнанку. 3. *Стихи Про кабацкую Русь*. Сб-к «Москва кабацкая» написан в 1922—1923 гг. *Шкеть* — недоросток. *Приехали. Дом с мезонином Немного присел на фасад* — дом Кашиной (см. с. 429). В настоящее время здесь размещена одна из экспозиций литературно-мемориального музея С. А. Есенина. 4. *Цветень* — цветенье. *Сочь* — пора движения соков. *Пятый туз* — лишний туз, шулерская карта в колоде. *Ляоян*. Имеется в виду сражение в 1904 г. около г. Ляояна в Северо-Восточном Китае во время русско-японской войны. Русская армия потерпела там поражение. *Порт-Артур* — военно-мор-

ская крепость. Русские войска под руководством генерала Р. И. Кондратенко героически обороняли ее. После гибели Кондратенко крепость была сдана японцам в декабре 1904 г. генералом Л. М. Стесселем. *Нерчинск*. Речь идет о нерчинской каторжной тюрьме. *Турухан* — здесь: Туруханский край — место политической ссылки. *Волость* — см. с. 436. 5. *Козлиная ножка* — самодельная папироса, свернутая в виде воронки и согнутая пополам. *О штуке, катающейся между ног* — т. е. о велосипеде. «*Керенки*» — казначейские знаки, названные в просторечье по имени министра-председателя Временного правительства Керенского. «*Ходя*» — просторечное название одного из многочисленных денежных знаков времен гражданской войны. *Фефела* — простофиля, разиня. «*Катька*» — просторечное название сторублевого денежного знака дореволюционной России с изображением Екатерины II. *Зыкъ* — здесь: сборище горлодеров. *Деникин* — см. с. 452. *Хмарь* — см. с. 424.

Черный человек. По признанию поэта, произведение написано под влиянием трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». *Стынь* — стужа. *Курсистка* — в дореволюционной России студентка — слушательница Высших женских курсов.

Основные издания стихотворений и поэм С. А. Есенина

Собрание стихов и поэм. Берлин; Петербург; Москва:
З. И. Гржебин, 1922. Т. I.

Стихи (1920—1924). М., Л.: «Круг», 1924.

О России и революции. Стихотворения и поэмы. М.:
«Современная Россия», 1925.

Березовый ситец. М.: ГИЗ, 1925.

Собрание стихотворений: В 4-х т. С автобиогр./Вступ.
статья А. Воронского; предисл. изд-ва. М., Л.: ГИЗ, 1926—
1927.

Собрание сочинений: В 6-ти т./Под общ. ред. В. Г. Базанова и др.; вступ. статья Ю. Прокушева. М.: Худож. лит.,
1977—1980.

Стихотворения и поэмы/Вступ. статья И. С. Эвентова.
Сост., подг. текста и примеч. И. С. Эвентова и И. В. Алексахиной. Л.: Сов. писатель, 1986 (Б-ка поэта, БС).

Содержание ¹

Сергей Есенин. <i>Вступительная статья А. М. Марченко</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вот уж вечер. Роса...»	53	
«Там, где капустные грядки...»	54	
«Поет зима — аукает...»	54	
«Выткался на озере алый свет зари...»	55	
«Сыплет черемуха снегом...»	56	
Подражанье песне	56	<i>420</i>
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	57	<i>420</i>
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	58	<i>420</i>
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» . .	58	<i>420</i>
Береза	59	
«На небесном синем блюде...»	60	
Пороша	61	
С добрым утром!	61	
«Зашумели над затоном тростники...»	62	<i>421</i>
В хате	63	<i>421</i>

¹ Цифры в левой колонке указывают страницы текста, в правой (набранные курсивом) — страницы примечаний.

«Край любимый! Сердцу снятся...»	64	421
Русь	65	421
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»	68	422
«Я — пастух, мои палаты...»	69	422
«Черная, потом пропахшая выть!..»	70	422
«Гой ты, Русь моя родная...»	71	422
«Сторона ль моя, сторонка...»	72	422
«Край ты мой заброшенный...»	73	422
«Топи да болота...»	74	422
Осень	74	422
Черемуха	75	
«На плетнях висят баранки...»	76	423
«Туча кружево в роше связала...»	77	423
«За темной прядью перелесиц...»	77	423
Корова	78	423
«В том краю, где желтая крапива...»	79	423
«Гаснут красные крылья заката...»	81	
«Запели тесаные дроги...»	82	
«Устал я жить в родном краю...»	83	
«День ушел, убавилась черта...»	84	
«Прячет месяц за овинами...»	85	
Голубень	85	423
«Даль подернулась туманом...»	87	423
«Я снова здесь, в семье родной...»	88	
Лисица	89	423
«За горами, за желтыми долами...»	90	424
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	91	424
«Опять раскинулся узорно...»	92	424
«О красном вечере задумалась дорога...»	93	424
«О товарищах веселых...»	94	424
«Весна на радость не похожа...»	95	
«Прощай, родная пуща...»	95	
«Покраснела рябина...»	96	425
«Там, где вечно дремлет тайна...»	97	

«Заметает пурга...»	98	425
«О край дождей и непогоды...»	99	
«О Русь, взмахни крылами...»	100	425
«Проплясал, проплакал дождь весенний...»	102	425
Пропавший месяц	103	
Певущий зов	105	425
Отчарь	107	426
«Гляну в поле, гляну в небо...»	112	
Преображение	112	427
«Разбуди меня завтра рано...»	117	
«Где ты, где ты, отчий дом...»	118	
«Нивы сжаты, рощи голы...»	119	
«Я по первому снегу бреду...»	119	
«О, верю, верю, счастье есть!...».	120	
«О муза, друг мой гибкий...»	121	428
«Отвори мне, страж заоблачный...»	122	
«Не напрасно дули ветры...»	123	428
«Небо ли такое белое...»	124	428
«Песни, песни, о чем вы кричите?..»	125	
Инония	126	428
Иорданская голубица	134	429
«Зеленая прическа...»	137	429
«Вот оно, глупое счастье...»	138	
«О, пашни, пашни, пашни...».	139	430
«И небо и земля всё те же...»	140	430
«Закружилась листва золотая...»	140	
«Теперь любовь моя не та...»	141	430
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	142	
«Я покинул родимый дом...»	143	
Песнь о собаке	143	430
Небесный барабанщик	145	431
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	148	
Пантократор	148	431
«Вот такой, какой есть...»	151	

Кобыльки корабли	152	431
«Душа грустит о небесах...»	155	431
Хулиган	156	431
Сорокоуст	157	431
Исповедь хулигана	160	432
«По-осеннему кычет сова...»	163	432
«Я последний поэт деревни...»	164	432
«Мир таинственный, мир мой древний...»	165	432
«Не жалею, не зову, не плачу...»	166	433
«Сторона ль ты моя, сторона!...»	167	433
Песнь о хлебе	168	433
«Всё живое особой метой...»	169	
Прощание с Мариенгофом	171	433
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	172	
«Не ругайтесь. Такое дело!...»	173	
«Я обманывать себя не стану...»	174	433
«Я усталым таким еще не был...»	175	434
«Эта улица мне знакома...»	177	434
«Заметался пожар голубой...»	178	
«Ты такая ж простая, как все...»	179	434
«Пушкай ты выпита другим...»	180	
«Дорогая, сядем рядом...»	182	434
«Мне грустно на тебя смотреть...»	183	
«Ты прохладой меня не мучай...»	184	
«Вечер черные брови насопил...»	185	434
«Мне осталась одна забава...»	186	435
Сукин сын	187	
«Этой грусти теперь не рассыпать...»	189	435
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	190	435
«Издатель славный! В этой книге...»	191	
Пушкину	192	435
Возвращение на родину	193	435
Русь Советская	197	436
Письмо матери	200	436

Ленин	202	437
«Мы теперь уходим понемногу...»	205	437
«Отговорила роща золотая...»	206	
Стансы	207	437
Письмо к женщине	211	437
Поэтам Грузии	214	438
Письмо от матери	217	438
Ответ	220	438
Цветы	224	438
Батум	228	439
«Годы молодые с забубенной славой...»	232	439
На Кавказе	233	439
Баллада о двадцати шести	236	440
Русь уходящая	242	440
Письмо деду	245	440
Метель	249	440
Весна	253	440
Персидские мотивы		
1. «Улеглась моя былая рана...»	255	441
2. «Я спросил сегодня у менялы...»	257	441
3. «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»	258	441
4. «Ты сказала, что Саади...»	259	441
5. «Никогда я не был на Босфоре...»	259	442
6. «Свет вечерний шафранного края...»	261	442
7. «Воздух прозрачный и синий...»	262	442
8. «Золото холодное луны...»	263	442
9. «В Хорасане есть такие двери...»	264	442
10. «Голубая родина Фирдуси...»	265	442
11. «Быть поэтом — это значит то же...»	266	443
12. «Руки милой — пара лебедей...»	267	443
13. «Отчего луна так светит тускло...»	268	
14. «Глупое сердце, не бойся!..»	269	443
15. «Голубая да веселая страна...»	270	443
16. «Море голосов воробьиных...»	271	443

Мой путь	272	443
Письмо к сестре	278	444
«Заря окликает другую...»	280	444
«Синий май. Заревая теплынь...»	282	444
Капитан земли	283	444
«Не вернусь я в отчий дом...»	285	
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»	286	445
«Каждый труд благослови, удача!...»	287	445
«Видно, так заведено навеки...»	288	445
«Я иду долиной. На затылке кепи...»	289	445
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	291	
«Вижу сон. Дорога черная...»	292	
«Гори, звезда моя, не падай...»	293	
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...»	294	
«Листья падают, листья падают...»	295	
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	296	445
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...»	297	445
«Я красивых таких не видел...»	297	446
«Ах, как много на свете кошек...»	298	446
«В этом мире я только прохожий...»	299	
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	300	447
«Эх вы, сани! А кони, кони!..»	301	447
«Снежная замять дробится и колется...»	302	447
«Синий туман. Снеговое раздолье...»	304	
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»	305	
«Снежная замять крутит бойко...»	305	
«Вечером синим, вечером лунным...»	306	
«Не криви улыбку, руки теребя...»	306	
«Сочинитель бедный, это ты ли...»	307	
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	307	
«Ах, метель такая, просто черт возьми!...»	308	
«Снежная равнина, белая луна...»	308	

«Свищет ветер, серебряный ветер...»	308	
«Мелколесье. Степь и дали...»	309	447
«Цветы мне говорят — прощай...»	310	447
«Голубая кофта. Синие глаза...»	311	
«Несказанное, синее, нежное...»	312	
Собаке Качалова	313	447
Песня	314	448
«Ну, целуй меня, целуй...»	315	448
«Неуютная жидкая лунность...»	316	
«Я помню, любимая, помню...»	317	
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»	318	
«Какая ночь! Я не могу...»	319	
«Не гляди на меня с упреком...»	320	
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	322	
«Может, поздно, может, слишком рано...»	323	
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»	324	448

ПОЭМЫ

Пугачев	327	448
Песнь о великом походе	364	451
Анна Снегина	384	454
Черный человек	411	455
Примечания	417	
Основные издания стихотворений и поэм С. А. Есенина	456	

Есенин С.

Е82 Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А. М. Марченко, сост. и примеч. В. П. Гарнина.— Л.: Сов. писатель, 1990.— 464 с. 1 л. портр. (Б-ка поэта. Малая серия).

ISBN 5-265-01486-1

Настоящее издание — сборник избранной лирики и поэм С. А. Есенина (1895—1925). Материал в обоих разделах — «Стихотворения», «Поэмы» — расположен в хронологической последовательности, с сохранением структуры цикла «Персидские мотивы».

Е $\frac{4702010202-166}{083(02)-90}$ 424—90

ББК 84. Р7

© А. М. Марченко, вступ. статья, 1990

© В. П. Гарнин, состав, примеч., 1990

Сергей Александрович Есенин

Стихотворения и поэмы

Художник В. И. Коломейцев

Худож. редактор Г. Г. Семенов

Техн. редактор Г. В. Мисюль

Корректоры Э. Н. Липпа и Е. Д. Шнитникова

ИБ № 7726

Сдано в набор 28.09.89 г. Подписано к печати 12.06.90. Формат 70 × 100^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,85. Уч.-изд. л. 17,75. Тираж 100 000 экз. Заказ № 334. Цена 2 р. 50 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

